
Александр Сергеевич Александров
Эльмира Камильевна Александрова
Наталья Юрьевна Грякалова

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
А. А. ИЗМАЙЛОВА И ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕПУТАЦИИ
ПИСАТЕЛЕЙ-СИМВОЛИСТОВ
(В. Я. Брюсов — А. А. Блок —
К. Д. Бальмонт — Вяч. Иванов)*

Александр Алексеевич Измайлов (1873–1921), ведущий критик начала XX века, бессменный автор рубрики «Литературное обозрение» в газете «Биржевые ведомости» и автор критических обозрений многих популярных журналов 1900-х гг.,¹ оказывал важное влияние на формирование репутации

* Работа подготовлена в рамках гранта РФФИ № 19-78-10012 в ИРЛИ РАН. Первый раздел настоящей главы написан Э. К. Александровой; второй — А. С. Александровым в соавторстве с Н. Ю. Грякаловой; третий — А. С. Александровым в соавторстве Э. К. Александровой; четвертый — А. С. Александровым.

¹ Подробнее см.: *Тяпков С. Н.* Измайлов Александр Алексеевич // *Русский писатель: Биографический словарь*. М., 1992. Т. 2. С. 403–405; *Александров А. С.*: 1) А. А. Измайлов — критик, прозаик, журналист // *Автореф...* канд. филол. наук. СПб., 2010. 22 с.; 2) Александр Алексеевич Измайлов (По архивным материалам) // *Контекст*—2013. М., 2013. С. 149–172; *Крылов В. Н.* Пародии на литературных критиков в книге А. А. Измайлова «Кривое зеркало» // *Филология и культура*. 2014.

ций писателей-современников.² Отклики критика на новинки литературы становились важным ориентиром для читателей массовой периодики, занявшей на рубеже веков лидирующие позиции на печатном рынке. Как отмечает В. Н. Крылов, «в начале XX века усиливается роль критики в создании репутации писателя, в возможном усилении средствами критики воздействия произведения искусства на публику, в формировании и закреплении его успеха и вообще судьбы автора».³ Значение массовой критики в успехе автора и ее оценка в литературном процессе в последние годы только становится объектом осмысления в литературоведении. Для писателей начала XX века роль «фельетонной критики» была не менее, а в иных случаях и более важной, чем, к примеру, элитарная символистская, не случайно Н. А. Клюев, обращаясь к издателю К. Ф. Некрасову с предложением издать стихи на военную тему, писал: «Не угодно ли Вам издать мои песни о войне, которые в печати имеют большой успех, и почти каждая вызывает обсуждения, что подтверждает прилагаемое письмо А. Измайлова, отзыв которого, как известно, для книгопродавца действеннее, чем отзыв Вячеслава Иванова».⁴

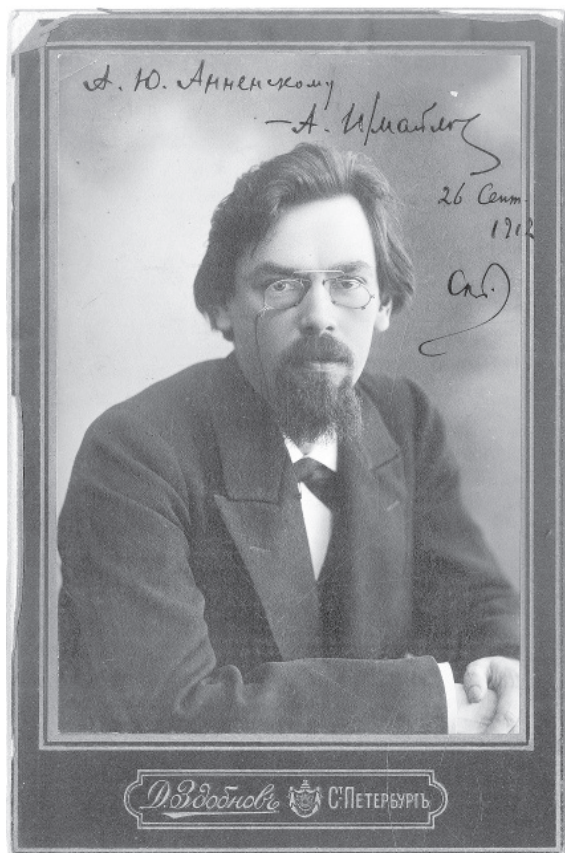
Особое значение в критическом наследии Измайлова приобретают его отклики на творчество писателей-символистов, а сам

№ 1 (35). С. 177–180; А. А. Измайлов: Переписка с современниками / Сост., вступ. ст. А. С. Александрова; предисловия, подгот. текстов и примеч. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб., 2017. 738 с.

² Ср.: «Проблема литературных репутаций становится одной из ключевых в книге А. А. Измайлова “Пестрые знамена” (1913), где он на конкретных примерах судеб писателей рассуждает о “раздутых” и “пониженных”, медленно создававшихся репутациях; а также репутациях, в сознании которых наименьшее место отводится удаче» (*Крылов В. Н. Русская литературная критика конца XIX – начала XX века. М., 2020. С. 24*).

³ Там же. С. 24.

⁴ Цит. по: *Ваганова И. В. Неоконченный роман в письмах: Книгоиздательство Константина Федоровича Некрасова: 1911–1916 годы. Рыбинск, 2018. С. 104.*

А. А. Измайлов. 1912 г. РГАЛИ

он с легкой руки В. В. Розанова приобрел репутацию «критика русского decadence'a». Отдавая явное предпочтение писателям-реалистам, продолжателям демократических традиций русской литературы, а также уделяя существенное внимание «массовой» литературной продукции (в угоду редакционной позиции «Биржевки» в ее борьбе за увеличение тиражей), Измайлов уже в начале 1900-х годов обратился в своих обзорах к «новым веяниям в литературе».

Критик неоднократно декларировал свою независимость от политических группировок и литературных школ, отстаивая право на субъективную точку зрения в оценке того или иного литературного явления. В то же время свое профессиональное кредо он связывал с беспристрастной «объективной» критикой: «...не растеряться, не подчиниться ни силе старины, ни выгодам последней моды, без гнева и пристрастия разобраться в явлениях и именах и напомнить основания вечной красоты».⁵ Воспитанный на классических образцах русской литературы и ее «заветах», Измайлов поначалу скептически и даже воинственно отнесся к творчеству писателей-модернистов.

Первым выступлением такого рода стал критический отклик на выход в 1901 году символистского альманаха «Северные цветы», выдержанный в стиле буренинских инвектив. В отзыве нет попытки разобраться в экспериментально-новаторской природе творчества «новых» поэтов, а оскорбительные характеристики («декадентские кривлянья», «козлиные прыжки литературных юродивых», «нелепый маскарад дурного тона», «дикие слова» и пр.) идут вразрез с измайловским манифестом «объективности». Критик выносит беспелляционный приговор этому образцу «полного и удручающего падения искусства, какой-то безгранично разнузданной литературной хлыстовщины, стихотворного и прозаического словоблудия, характерного для нашей переходной эпохи».⁶ На протяжении 1901–1902 гг. из-под пера Измайлова не вышло ни одной статьи, в который бы он попытался в положительном ключе осмыслить происходящие в литературе процессы — только резкое осуждение. В русле негативно-непонимающих отзывов о деятелях «нового искусства» были написаны статьи о стихотворениях К. Бальмонта, В. Брюсова, рассказах З. Гиппиус,⁷ «Симфониях» А. Белого и др.⁸

⁵ Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе. М., 1910. С. IV.

⁶ Измайлов А. А. Литературные заметки // Биржевые ведомости. 1901. 26 мая. № 140. С. 2.

⁷ Исключение составляет рецензия на рассказ З. Гиппиус «Чистая сердцем»: «Произведение совершенно свободно от свойственных автору де-

Потенциальная опасность остаться за бортом современного литературного процесса, уподобившись маститым, заостереженным, уходящим в отставку критикам умирающего толстого журнала, по-видимому, заставила Александра Алексеевича расширительно взглянуть на произведения лидеров символистского движения.

Проницательный критик произведений реалистического направления, по отношению к творчеству модернистов Измайлов, прежде всего, известен как талантливый пародист, резко отрицательно воспринявший первые опыты нарождающегося течения. Со временем взгляды приверженца реализма на литературную продукцию модернистов претерпевают определенную эволюцию. В особенности это ярко прослеживается на отношении Измайлова к творчеству Брюсова, Блока, Бальмонта, Вяч. Иванова,⁹ имена которых часто соседствуют на страницах его рецензий.¹⁰

кадентских выкрутасов, не угрожает вселенной новым словом, и приятно думать, что оно знаменует начало освобождения писательницы, во всяком случае даровитой, от тумана символистских и иных увлечений к единому истинному и вечному творчеству, которого не подавят никакие модные течения, как бы они ни были отважны, стремительны и необузданны» (*Измайлов А. А. Литературные заметки // Биржевые ведомости. 1901. 6 авг. № 212. С. 1–2*).

⁸ См. статьи критика за 1902 год: *Измайлов А. А.*: 1) Литература: «Северные цветы на 1902-й год» // Биржевые ведомости. 1902. 22 июня. № 167. С. 3; 2) То же // Там же. 28 июня. № 173. С. 3; 3) То же // Там же. 6 авг. № 212. С. 3.

⁹ Блестящее знание литературы, искреннее стремление понять автора и нередко столь же глубокое непонимание, отстаивание своих собственных эстетических взглядов, которые не были вписаны в стандарты каких-либо литературных группировок — качества, которые вызывали к нему чувство уважения даже со стороны раскритикованных им писателей. Резкие высказывания о «новых поэтах» не мешали Измайлову состоять с «объектами» критики в дружеских отношениях, как это было, например, с Леонидом Андреевым или Брюсовым. См. подробнее: А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 37–131; 132–233.

¹⁰ Ср.: «Первенство на русском Парнасе разделяет с Брюсовым Бальмонт» (*Измайлов А. Помрачение божков. С. 23*).

Прогрессивный настрой 1907 г. позволил критику открыть для себя красоты символизма, не впадая, однако в слепое почитание нового направления: «Приверженец реализма, поклонник творчества Л. Толстого и А. П. Чехова, он, проповедуя принципы “объективной”, нетенденциозной критики, смог создать яркие характеристики представителей “нового искусства”, перейдя от скептических оценок к признанию достижения “психологически-символистской школы”». ¹¹ В этот период статьи Измайлова о «новых веяниях в литературе» выстраиваются в определенную систему: на примере творчества модернистов им выделены три направления, определенные в терминах «импрессионистическая лирика» (А. Блок, В. Брюсов, К. Бальмонт); «неоархаизм» (А. Ремизов, С. Ауслендер, В. Брюсов); «произведения, наполненные натуралистическими сценами» (Л. Зиновьева-Аннибал, М. Кузмин, В. Муйжель, Н. Сергеев-Ценский). ¹² Предлагаемый ниже анализ критических отзывов Измайлова о писателях-символистах позволяет скорректировать распространенное мнение о критике как о непримиримом противнике модернистского направления в литературе.

1

Одно из первых обращений Измайлова к творчеству В. Я. Брюсова представлено в критическом обзоре альманаха «Северные цветы на 1901 г.», которые являют собой, по мнению автора, на первых порах воспринявшего опыты нарождающегося течения резко отрицательно, «чрезвычайно характерное, хотя вместе крайне печальное и жалкое, знамение времени», производящее «тяжелое, тошнотворное впечатление». ¹³ В следу-

¹¹ Александр Блок: Pro et contra / Сост., вступ. ст. и примеч. Н. Ю. Грыкаловой. СПб., 2004. С. 637.

¹² См. подробнее: Александров А. С. Вячеслав Иванов в критической оценке А. А. Измайлова // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования: Вып. I / Под ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского, А. Б. Шишкина. 2009. СПб. С. 421.

¹³ Измайлов А. Литературные заметки: I // Биржевые ведомости. 1901. 26 мая. № 140. С. 2.

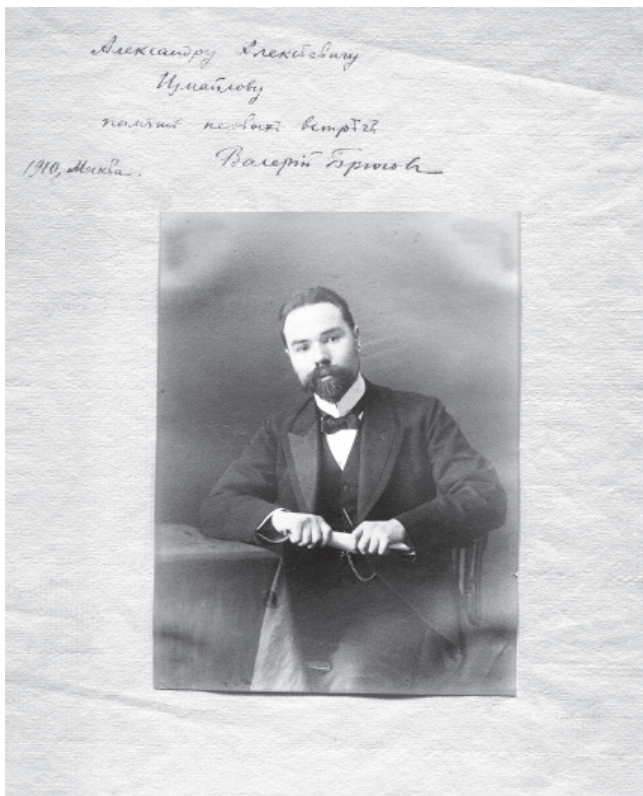
ющем году участники символистского издания зачисляются рецензентом в «трогательную группу литературных бебе». В адрес Брюсова — рассказ которого «Теперь, когда я проснулся...» найден очень похожим на тексты Эдгара По — сказано с нечаянным намеком на происхождение писателя, что «один из авторов рассказывает свой кошмарный сон (дело, которым до сих пор занимались замоскворецкие купчихи)».¹⁴

Перемена в восприятии Измайловым представителей нового искусства наметилась в обзоре альманаха на 1903 г., где распустились, по его выражению, «недурные цветочки». В «стихотворном рассуждении» Брюсова «*Habet illa in alvo*» критиком отмечены «глубина мысли, медная звучность стиха и смелость касания обычно обходимого вопроса, — черты, заставляющие прислушаться к автору, одному из совсем немногих даровитых людей, попавших в декадентский лагерь».¹⁵ К произведению, как к одному из выдающихся текстов символиста, критик будет возвращаться неоднократно в последующих отзывах.¹⁶ С этого времени имя поэта в обзорах пропперовского сотрудника выделяется из общего перечня соратников-модернистов; ему посвящены уже отдельные заметки и статьи. В конце 1903 г. Измайловым отмечено становление декадентства в новую фазу, «существеннейшие элементы» которой — «*mania grandiosa*, демоническое сверхчеловечество и эротизм» — выделены им на примере творчества Брюсова. В статье, посвященной только что изданному сборнику «*Urbi et Orbi*» на первый план выдвигается эротическая тема, поначалу резко воспринятая критиком как

¹⁴ Измайлов А. Литература: «Северные цветы на 1902-й г.»: I // Биржевые ведомости. 1902. 22 июня. № 167. С. 3. Продолжение заметки: Биржевые ведомости. 1902. 2-е изд. 11 июля. № 186. С. 1.

¹⁵ Измайлов А. Литературные мелочи: «Северные цветы» // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1903. 25 авг. № 419. С. 2.

¹⁶ Ср.: Измайлов А.: 1) Литературные заметки: (Новая более определенная фаза декадентства: Книга стихов В. Брюсова «*Urbi et Orbi*») // Новая иллюстрация. 1903. 25 ноябр. № 47. С. 15; 2) У врат горького познания: (В. Брюсов и его поэзия) // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1910. 25 мая. № 11730. С. 2; также: Новое слово. 1910. № 5. С. 46–49.

В. Я. Брюсов, 1910 г. «Александру Алексеевичу / Измайлову /
Память первых встреч / Валерий Брюсов / 1910, Москва».
Литературный музей ИРЛИ

«черта откровенного эротоманства» с явным уклоном в патологию.¹⁷ Приведя пространную цитату о «потехах с козой» из «In hac lacrimarum valle», рецензент рассуждает: «Лишь намечающаяся здесь черта эротизма в других пьесах г. Брюсова выступает

¹⁷ Измайлов А. Литературные заметки: (Новая более определенная фаза декадентства: Книга стихов В. Брюсова «Urbi et Orbi») // Новая иллюстрация. 1903. 25 ноябр. № 47. С. 15.

открытее и выпуклее. Поэт не страшится называть вещи своими именами, и иногда его язык приобретает совсем библейскую откровенность».¹⁸ Впоследствии эпатирующие брюсовские строки, вдохновившие не одного пародиста, Измайлов предποшет эпиграфом к своей сатирической вариации на тему экзотической любви.¹⁹ В том же раннем отклике на «Urbi et Orbi», помещена, по-видимому, первая из измайловских пародий, навеянных творчеством Брюсова:

Юные поэтики
В куколки играли,
Изо рта пузырики
Мыльные пускали.
Пели-пели: «Ладушки,
Где были? — у бабушки?»
Бровки понасупивши,
Оттопырив глазки,
Говорили страшные
Вымыслы и сказки.

Влево в бельэтаже
Танцевали польку,
Шел народ направо —
Прямо в монопольку.
Юные поэтики
Пели, пели песни.
Не было возможности
Их понять, — хоть тресни...

¹⁸ Измайлов А. Литературные заметки: (Новая более определенная фаза декадентства: Книга стихов В. Брюсова «Urbi et Orbi»). С. 15.

¹⁹ См.: Измайлов А. История русской лирики от Третьяковского до Кузмина: (Наглядное пособие для изучения российской словесности), 1902: Любовь экзотическая: [Пародия] («Я с рассветом привско-чу...») // Русское слово. 1907. 7 окт. № 230. С. 2. Вкл. в кн.: Измайлов А. А. Кривое зеркало: Пародии и шаржи. СПб.: Театр и искусство, 1910. С. 96. Эпиграфом взяты 2, 4 и 5-я строфы стихотворения «In hac lacrimarum valle».

Песенки поэтов
Быстро в Лету канут.
Нуют, нуют юные...
Ах, когда устанут?²⁰

По прошествии лет Измайлов, не желая становиться на место уходящих в отставку маститых критиков вырождающегося толстого журнала, которые «устарели и отяжелели»,²¹ пересматривает, расширяет свой взгляд на «продукцию» нового искусства. В 1907 г., определяя декадентство как «первую грубую фазу нового течения, которая была совершенно неподкрашенным обезьянством», он оставляет за бортом настоящей литературы практически всех его представителей, делая исключение для Брюсова, сумевшего «вырасти за это время в настоящего поэта», создавшего «песни истинной красоты и полные смысла».²²

В августе 1907 г. в восприятии романа-стилизации «Огненный ангел» — как и ранее по отношению к другим текстам автора, «освобождающегося от декадентских вычуров и возвращающегося к ясному и трезвому реальному искусству»²³ — рецензент амбивалентен. В статье о новом течении в искусстве и литературе, названном Измайловым «*нео-архаизм, возрождение старинного, или до-реализм, пре-реализм*»,²⁴ Брюсов зачис-

²⁰ Измайлов А. Литературные заметки: (Новая более определенная фаза декадентства: Книга стихов В. Брюсова «Urbi et Orbi») // Новая иллюстрация. 1903. 25 ноябр. № 47. С. 15. Измайловскую пародию, помещенную в газете без строфического оформления (в строку, по-видимому, в том числе и из-за экономии места), мы позволили себе оформить по образцу оригинала — антологической пьески Брюсова «На песке» («Маленькая девочка...»).

²¹ Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе. М., 1910. С. 4.

²² Измайлов А. А. Литературные беседы: (Непомерные претензии модернистов: Современный титанизм и эротоманство) // Русское слово. 1907. 10 марта. № 56. С. 1.

²³ Измайлов А. А. «Огненный ангел»: Повесть Валерия Брюсова // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1907. 9 авг. № 10039. С. 2.

²⁴ Неблагоклонный читатель [Измайлов А. А.]. Литературные гробокопатели // Слово. 1907. 16 нояб. № 306. С. 2.

лен в разряд «литературных гробокопателей», куда, по мнению автора разбора, органично вписываются театральный режиссер Вс. Э. Мейерхольд, поэты Вяч. И. Иванов, М. А. Кузмин и С. М. Городецкий. Несколько смягчается позиция критика в 1908 г.: в продолжении очередного обзора новостей литературы он отдает дань стилизаторскому мастерству «одного из самых образованных нынешних молодых» писателей.²⁵ Материалы этих заметок 1907—1908 гг. легли в основу 8—11-й главок книги «На переломе», посвященных Брюсову.²⁶ Здесь автор, характеризуя отдел самостоятельного творчества модернистов на старницах «Весов» как «истинный шабаш, какое-то хлыстовское радение», делает исключение для очень немногочисленного помещенного на страницах журнала, и в частности, для «Огненного ангела».²⁷ В 1909 г., обозревая литературные новинки, Александр Алексеевич находит, что в третьем томе собрания стихотворений Брюсова «Пути и перепутья» «меньше шедевров, чем в первых двух, но общая высота стиха поднимает этот том над первым». В то же время, отмечая тягу «молодых» к взаимопоклонению, критик не без иронии констатирует, что в своих посланиях поэт «так же щедро раздает патенты величия, как его юнейшие и неизмеримо слабейшие коллеги подносят ему дипломы титана, гения, пророка, демона искусства и т. д.».²⁸

Личное знакомство Измайлова и Брюсова произошло 27 апреля 1909 г. в Москве на торжественном заседании Общества любителей российской словесности, приуроченном к столетнему юбилею Н. В. Гоголя. Здесь Брюсов произнес свою знаменитую речь «Испепеленный».²⁹ На собрании присутствовал Из-

²⁵ *Измайлов А. А.* Что нового в литературе? // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1908. 2 авг. № 10636. С. 2. О продолжении романа: То же // Там же. 20 сент. № 10716. С. 2.

²⁶ *Измайлов А. А.* На переломе: Литературные размышления. СПб., 1908. С. 16—24.

²⁷ Там же. С. 46.

²⁸ [Б. п.] [Измайлов А. А.]. В литературном мире // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 14 апр. № 11055. С. 3.

²⁹ Первая публ.: *Весы*. 1909. № 4. С. 98—120.

майлов, описавший произошедшее в репортажах для «Русского слова» и «Биржевых ведомостей».³⁰ В них критик, вставая на сторону немногих высказавшихся о Брюсове сочувственно после его провокационного выступления,³¹ называл автора «жертвой недоразумения»: «Со стороны Брюсова не было ни преступления, ни оскорбления. Его речь <...> может быть, живее многого из того полудремотного, что мы слушали эти дни. Пусть в ней много парадоксального, но это — новое, не вошедшее в учебники, не старая жвачка».³² Памятное знакомство зафиксировано в личных записях обоих литераторов, ср. запись в дневнике Брюсова за 1909 г.: «В Гоголевские дни <...> Знакомство с Измайловым»³³ и личном альбоме Измайлова (апрель 1909 г.): «Брюсов. Пиш<ет> т<олько> на машинке. Гипп<иус> г<о-во>рила — я это и за письма не считаю. Я стал г<ово>рить о том, к<a>к маш<инка> убивает индивидуальность. Жаль. Он возразил, а музык<ально>-клавиш<ный> рояль. Здесь мож<но> совсем забыть о механизме. Т<a>к будет некогда и с машинкой. И мож<но> будет и писать творчески с места на ней».³⁴ Впоследствии (в письме Брюсову от 15 февраля 1910 г.) Измайлов снова упоминал предмет знаменательного разговора: «Я был

³⁰ См.: Измайлов А. А.: 1) Испорченный молебен // РС. 1909. 28 апр. С. 4; 2) Скандал на гоголевском празднике // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 29 апр. С. 4.

³¹ Ср., напр., письма А. В. Амфитеатрова Брюсову от 15 мая, 4 июня 1909 г. (Переписка М. Горького с А. В. Амфитеатровым // Литературное наследство: Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М., 1988. С. 152).

³² Измайлов А. А. Испорченный молебен. С. 4. В конце 1909, подводя литературные итоги юбилейного года, Измайлов снова отметил выступление Брюсова как нечто исключительное в «загроможденном шаблонным витийством казенных ораторов, не давшим ни одного нового слова» гоголевском празднике (Измайлов А. На отмени: (Итоги литературного года) // Новое слово. 1909. № 12. С. 74).

³³ Брюсов В. Я. Дневники: Автобиографическая проза: Письма / Сост., вступ. ст. Е. В. Ивановой. М., 2002. С. 161.

³⁴ Измайлов А. А. Альбом: Дела и люди: (Заметки современника) — РГАЛИ. Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 27.

очень рад Вашему письму и особенно оценил, что оно писано Вашей рукою, а не на машинке, которую Вы так любите и которую я так не люблю, как убивающую личность пишущего». ³⁵

Главную роль в развитии эпистолярного диалога, завязавшегося по инициативе Измайлова, сыграла профессиональная деятельность заведующего литературным отделом «Биржевых ведомостей» и «Русского слова». Началу сотрудничества Брюсова в изданиях С. М. Проппера положил И. И. Ясинский, с которым поэта связывали длительные дружеские и рабочие отношения. Однако на первых порах оно не было регулярным. ³⁶

В своем первом письме от 3 мая 1909 г. ³⁷ Измайлов сообщал о фельетонах, посвященных поэту, ³⁸ составивших главу «Хмель на руинах. (Новое и старое)» в его книге «Помрачение божков и новые кумиры» (М., книга издана в 1909 г., на титуле — 1910). В ней говорится: «Это “умная поэзия” в том смысле, в каком масоны отличали “умную молитву”, добытую мистическим *знанием*, созерцанием, от молитвы сердечной, — простого лирического вопля, исходящего из простецкого, профанского сердца <...> О Брюсове хочется говорить, и на нем можно многое уяснить в веке сем и в людях его. Он еще наполовину впереди, но и то, что он дал и что сейчас предстает очищенным от портившего и зеленого — во многих отношениях превосходно». ³⁹ Дарственная надпись на книге отсылает ко дню знакомства: «Искренно-уважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову на добрую память

³⁵ А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 148—149.

³⁶ См. п. Ясинского Брюсову от 9 июня 1909 г. (НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 81. Ед. хр. 28. Л. 1), п. Брюсова Ясинскому от 15 июня 1909 г. (*Ясинская* З. И. В. Брюсов и И. Ясинский // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973. С. 433). Об отношениях литераторов см.: Там же. С. 402—437.

³⁷ См. в кн.: А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 145.

³⁸ См.: *Измайлов* А. А. Новый хмель на старых руинах: Новые веяния в русском стихотворстве // Новое слово. 1909. № 1. С. 53—58; *Неблагодарный читатель* [Измайлов А. А.]. Литературные беседы: Поэзия современной мысли: («Пути и перепутья», т. 2 В. Брюсова) // Слово. 1908. 29 марта. № 418. С. 2.

³⁹ *Измайлов* А. А. Помрачение божков и новые кумиры. С. 18, 23.

об авторе, всегда благодарном светлomu дню гоголевской памяти, нас соприкоснувшему. СПб. 1909. 5 октября».⁴⁰

С письмом от 31 марта 1910 г. Брюсов, поддерживая гоголевскую тему, осенившую знакомство, послал корреспонденту второе издание своей «пресловутой речи»⁴¹ с подписью: «Александру Алексеевичу Измайлову дружески Валерий Брюсов. 1910».⁴² По терминологии В. Э. Молодякова, так выглядит «типичный инскрипт» писателя во второй половине 1900-х гг., когда «по мере упрочнения положения автора в литературном мире и расширения круга знакомых, надписи Брюсова становятся не только сдержанно-официальными, но и шаблонными, обычно без индивидуализации адресата». С этой дарственной надписью для Измайлова «текстуально совпадают 38 инскриптов, среди адресатов которых весь “ближний круг” поэта».⁴³

Следующая встреча состоялась приблизительно в конце февраля — марте 1910 г. В этот день собеседники обсуждали творчество римского поэта-версификатора Децима Магна Авсония. Во время этого свидания хозяин вручил гостю свой фотопортрет с дарственной надписью: «Александру Алексеевичу Измайлову память первых встреч. Валерий Брюсов 1910, Москва».⁴⁴ Результатом randevу стали фельетоны, в которых описан внешний об-

⁴⁰ НИОР РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. 1098.

⁴¹ По выражению самого Брюсова (А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 151).

⁴² Инскрипт в составе коллекции листов с дарственными надписями в архиве Измайлова (РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 50) на титульном листе книги: *Брюсов В. Я. Испепеленный: К характеристике Гоголя: (Речь, прочитанная на торжественном заседании Общества любителей российской словесности 27 апреля 1909 г.)*. Изд. 2-е. М.: Скорпион, 1910. 54, IX с.

⁴³ *Молодяков В. Э. Дарственные надписи Валерия Брюсова на книгах и фотографиях: Итоги и перспективы изучения // Брюсовские чтения 2013 года*. Ереван, 2014. С. 556.

⁴⁴ Литературный музей ИРЛИ РАН. Ед. хр. 5565. Впоследствии этот портрет был воспроизведен в сборнике «Литературный Олимп: Характеристики, встречи, портреты, автографы» (М., 1911. С. 371).

лик поэта, его дом, библиотека, и пр.⁴⁵ Брюсов зафиксировал в дневнике: «Был у меня Измайлов. Написал обо мне две весьма любезные статьи».⁴⁶ Позже Брюсов послал своему посетителю труд «Великий ритор: Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония» (М., 1911), снабдив журнальный оттиск дарственной надписью: «Александрю Алексеичу Измайлову на память о беседе об Авсонии. Валерий Брюсов».⁴⁷ Через два с лишним года критик вспоминал об этом свидании в заметке по поводу моностиха «О закрой свои бледные ноги»: «В одну из встреч с В. Я. Брюсовым я касался в разговоре этой его ранней шалости. В некоторых литературных кружках было распространено мнение, будто это однострочное стихотворение есть подпись к распятию <...> Я спросил у Брюсова, так ли это. Он ответил — Нет, я этого не думал. Просто это было время наших первых исканий и метаний. Мы с Бальмонтом заглядывали во все литературы, между прочим, в латинскую. Там нас остановили двустишия и одностишия, какие встречаются у Марциала или Авсония. (Кажется, так). Мы хотели попробовать, может быть, это возможно и в русской литературе. Так явилось одностишие».⁴⁸

Переписка между Брюсовым и Измайловым в 1909—1912 гг. в основном носит характер общения писателя со своим крити-

⁴⁵ Аякс [Измайлов А.]. У Валерия Брюсова // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1910. 23 марта. № 11628. С. 3; Веч. вып. 1910. 24 марта. № 11630. С. 4. То же // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1910. 24 марта. № 11629. С. 5; Утр. вып. 1910. 25 марта. № 11631. С. 6); Измайлов А. У врат горького познания: (В. Брюсов и его поэзия) // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1910. 25 мая. № 11730. С. 2; также: Новое слово. 1910. № 5. С. 46—49. По всей видимости, Измайлов послал Брюсову корректурный оттиск готовившейся к печати статьи, что соответствовало его практике общения с литераторами.

⁴⁶ Брюсов В. Я. Дневники. С. 162. Запись за март 1910 г.

⁴⁷ Национальная библиотека Эстонии. Об этом инскрипте см.: Петина Л., Кульяс. Неизвестный автограф В. Брюсова // Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985. С. 403—407.

⁴⁸ Измайлов А. О мнимом плагиате г. Арцыбашева и «белых ногах» г. Брюсова // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1912. 11 окт. № 13190. С. 6—7.

ком. Первый делится творческими планами, второй откликается на литературные новинки заочного собеседника рецензиями и отзывами. Интерес обоих друг к другу подогревается возможностью для одного, кокетливо отвергающего всякую «рекламность» и «саморекламу», заявить о себе и своей деятельности в изданиях с многотысячными тиражами, для другого — поддерживать личное знакомство с героем своих критических опусов, получать сведения из первых рук.

Опосредованное слежение за литературным творчеством, а в еще большей степени непосредственные контакты с поэтом позволили воспитаннику Петербургской духовной академии расширительно взглянуть на интимную составляющую поэзии символиста. Теперь дерзость «соприкосновения полового с религиозным» в стихотворении «В Дамаск» не шокирует критика: «Нужно хорошо узнать Брюсова, чтобы в этой стороне его психики верно понять его. Было время, когда пишущий эти строки разделял всеобщий взгляд на это стихотворение как почти на преступление слова⁴⁹ <...> Сотрясающий захват пола, экстазы любви имеют в Брюсове предельное по силе воплощение в русской литературе не только нынешнего дня, но и всей вообще. И вот, однако, поэт, — с книгами которого нечего было бы делать порнографам и эротоманам!».⁵⁰ Стилизаторское мастерство автора «Алтаря победы» также получает положительный отклик: «В своей повести он — тот же певец горячей и пылкой плоти, экстазов любви, бросающей любовников в объятия друг друга. Это не ново, и в стихах Брюсов давал всё это еще с большей силой, а в прозе не хуже дал это в романе “Огненный ангел”

⁴⁹ Ср. высказывание Измайлова в заметке 1903 г.: «...высоко противно чтение тех пьес г. Брюсова, где откровенная эротика переплетается с религиозно-мистическими образами. Вот гадость, озаглавленная в книжке г. Брюсова аллегорическим названием — “В Дамаск”» (*Измайлов А. Литературные заметки: (Новая более определенная фаза декадентства: Книга стихов В. Брюсова «Urbi et Orbi»*) // Новая иллюстрация. 1903. 25 нояб. № 47. С. 15).

⁵⁰ *Измайлов А. У врат горького познания: (В. Брюсов и его поэзия)* // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1910. 25 мая. № 11730. С. 2.

<...> Что хорошо у Брюсова, это — действительное знание эпохи, ее археологии, ее поэзии, всей ее атмосферы <...> Такое изучение дало возможность Брюсову дать новое, нешаблонное освещение и некоторым историческим персонажам, и в этих психологических догадках его чувствуется правда».⁵¹

Апофеоз признания Измайловым литературного таланта Брюсова отразился в его книге о писателях-современниках «Литературный Олимп» (1911).⁵² В нее вошли две статьи о Брюсове,⁵³ переработанные Измайловым с учетом замечаний мэтра русских символистов, ставшего на некоторое время рецензентом своего рецензента.⁵⁴ Здесь поэту, ранее зачастую называемому равновеликим с Бальмонтом, отдано предпочтение, а о его творчестве сказано, «что это есть истинная “литература литератора”», коснувшегося «самых последних граней и науки, и искусства, и пафоса мистики, и экстазов любви и сладострастия».⁵⁵ За эту книгу, сопровождаемую дарственной надписью: «Искренно уважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову на добрую память от одного из больших почитателей его таланта. 11 февраля 1911 г. СПб.»,⁵⁶ — Брюсов благодарил дарителя в письме от 12 марта: «Сознаюсь Вам, что редко кто, из писавших обо мне, доставлял мне столько *удовольствия*, как Вы этими двумя своими статьями. Я не думаю, чтобы они *вернее*, чем разные другие, изображали меня и мою поэзию. Подозреваю даже, что это вовсе *не я*, но это весьма близко к тому, чем мне *хотелось бы быть*».⁵⁷

⁵¹ Измайлов А. А. Хрестоматия новой литературы: (Римская повесть В. Брюсова «Алтарь победы» и Амвросий Медиоланский в новом освещении) // Новое слово. 1912. № 11. С. 113—115. Начало публикации: Там же. № 1. С. 116—119; № 2. С. 117—118.

⁵² Измайлов А. А. Литературный Олимп: Характеристики, встречи, портреты, автографы. М., 1911.

⁵³ В книгу статьи вошли под названиями «Валерий Брюсов» и «В старом доме, на Цветном бульваре» (Там же. С. 373—386; 387—396).

⁵⁴ См. письмо Брюсова от 31 марта 1910 г. (А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 150—151).

⁵⁵ Измайлов А. А. Литературный Олимп. С. 378, 380.

⁵⁶ НИОР РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. 1099.

⁵⁷ А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 159.

По всей видимости, в начале 1912 г. переписка прервалась на три года. В этот промежуток корреспонденты обменялись только двумя письмами, в которых был затронут вопрос о привлечении Измайлова к третейскому литературному суду за обвинения в плагиате в адрес Вс. Крестовского.⁵⁸ Первое время Брюсов еще продолжал деловые контакты с «Биржевыми ведомостями» через редактора М. М. Гаккебуша.⁵⁹ И хотя, в силу чрезвычайной занятости поэта издательскими проектами и причин личного характера, деятельное сотрудничество не было налажено,⁶⁰ имя Валерия Яковлевича не сходило с полос петербургской газеты. В августе Измайлов откликнулся рецензией на сборник «Зерка-

⁵⁸ См.: *Измайлов А. А. Быль, а не легенда* // Русское слово. 1913. 25 окт. № 246. С. 2. См. п. Измайлова от 30 декабря 1913 и Брюсова от 12 января 1914 г. (А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 170–174). Подробнее об этом сюжете см.: *Ямпольский И. Г. Комментарии* // Помяловский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 2 т. / Ред., вступ. ст. и коммент. И. Ямпольского. М.; Л., 1935, т. 2. С. 336–341; *Орлов М. М. Язык Н. Г. Помяловского*. Ростов-на-Дону, 1959. Ч. II. С. 248; *Ямпольский И. Г. Помяловский: Личность и творчество*. М.; Л., 1968. С. 223; *Орлов М. М. Разыскания в области словарного состава сочинений Н. Г. Помяловского*. Автореф. ... докт. дисс. Л., 1974. С. 5–6; *Викторович В. А. Всеволод Крестовский: Легенды и факты* // Русская литература. 1990. № 2. С. 44–58 (в частн. с. 48–52). См. также материалы Третейского литературного суда в РО ИРЛИ в фондах А. А. Измайлова, В. В. Крестовского, А. Ф. Коны. Приговор суда опубл.: *Новое время*. 1914. 18 мая. № 13714. С. 4.

⁵⁹ См. п. Гаккебуша Брюсову от 14 и 21 января 1912 г. (НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 81. Ед. хр. 28. Л. 4, 7), п. Брюсова Гаккебушу от 19 января 1912 г. (ИРЛИ. Ф. 549. Ед. хр. 83. Л. 1–2).

⁶⁰ 25 ноября 1913 г. совершила самоубийство Надежда Львова, молодая поэтесса, с которой Брюсова связывали личные отношения. Об этом см.: *Вокруг гибели Надежды Львовой: Неизданные материалы* / Публ. А. В. Лаврова // *De Visu*. 1993. № 2. С. 5–11. На следующий день после трагедии он уехал в Петербург. В начале декабря провел несколько дней в Москве с прибывшим в Россию Эмилем Верхарном. В середине декабря в сопровождении супруги отправился в санаторий доктора Максимовича в Майоренгофе (ныне Дзинтари). См. комментарии Т. Г. Динесман в кн.: *Литературное наследство: Т. 85: Валерий Брюсов*. М., 1976. С. 620.

ло теней»,⁶¹ а в сентябре 1912 г., отзываясь на выход Полного собрания сочинений Ф. И. Тютчева в издательстве А. Ф. Маркса,⁶² провозгласил поэта предтечей «многого нынешнего, во главе с В. Брюсовым».⁶³ В майских выпусках 1914 г. были помещены анонимные заметки о пьесе «Четверо».⁶⁴

13 августа 1914 г. Брюсов был направлен в прифронтовую зону в качестве неофициального военного корреспондента «Русских ведомостей».⁶⁵ Но и в это время «случайный» сотруд-

⁶¹ См.: *Измайлов А. А.* По садам российской поэзии // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1912. 21 авг. № 13101. С. 3.

⁶² См.: *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч.: В 3 кн. / С критико-биограф. очерком В. Я. Брюсова, библиогр. указ., примеч., вариантами, факс. и портр. Изд. 6-е, испр. и доп. Ред. изд. П. В. Быкова. СПб.: Изд. т-ва А. Ф. Маркса, [1911]. 694, XVII с.

⁶³ А. Изм. [Измайлов А. А.]. «Полный Тютчев» // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1912. 14 сент. № 13143. С. 4. Еще в августе 1911 г. читатели могли узнать впечатления критика, навеянные выпуском пятого альманаха «Северных цветов» (М., 1911): «Нет ничего печальнее пережитков и, однако, последнее время, в особенности, заявило себя усиленным тасканием мертвых с погоста» (*Измайлов А.* Мертвые с погоста: (Еще о рецидиве декадана) // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1911. 6 авг. № 12464. С. 4). Самой лучшей вещью в этом «трагикомическом» сборнике было признано вдохновленное тютчевскими строками «короткое стихотворение того же Брюсова “Демон самоубийства” на очень современную теперь тему смертного соблазна» (*Измайлов А.* Новые книги: Пятый альманах «Северных цветов» и рецидив декадана // Русское слово. 1911. 5 авг. № 180. С. 3). Измайлова оставили равнодушным как помещенные здесь отрывки из романа «Семь земных соблазнов», так и незаконченная поэма «Подземное жилище».

⁶⁴ Без подписи, в разделе «У рампы» (Биржевые ведомости. 1914. Утр. вып. 22 мая. № 14163. С. 8. То же: Веч. вып. 21 мая). Стиль заметки позволяет предположить, что информация была передана в газету самим автором пьесы, по примеру других подобных сообщений, фигурирующих в переписке Брюсова и Измайлова.

⁶⁵ О пребывании Брюсова в Варшаве см.: *Чудецкая Е. В.* Из переписки Брюсова 1914–1915 годов // Брюсовские чтения 1973 года. Ереван, 1976. С. 437–447; *Букчин С. В.* Корреспондент Валерий Брюсов // Неман. 1987. № 6. С. 136–144; *Мурзо Г. В.* В. Брюсов – военный корреспондент.

ник»⁶⁶ следил за «Биржѳвкой» и косвенно присутствовал на страницах издания.⁶⁷ В начале января 1915 г. писатель приехал в Москву в краткосрочный отпуск. 15 января в «Голосе Москвы» было помещено интервью о его деятельности в Варшаве,⁶⁸ а 18 — в Литературно-художественном кружке был устроен ужин в честь Брюсова и журналиста С. С. Мамонтова.⁶⁹ В конце месяца корреспондент возвратился в Варшаву. Связанный с его приездом большой резонанс в прессе, вероятно, подтолкнул Измайлова к возобновлению переписки. Удаленность от столицы, материальные трудности — все это способствовало интенсивному сотрудничеству Брюсова в «Биржевых ведомостях», «Огоньке», «Новом слове» через посредство Александра Алексеевича.

пондент ярославского «Голоса» // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4, т. I. С. 331—336. (Гуманитарные науки); Орлова М. В. «Война все же — мужское дело»: Переписка Валерия Брюсова с Иоанной Брюсовой (1914—1915) как биографический источник // Брюсовские чтения 2013 года. Ереван, 2014. С. 368—378; Брюсов В. Письма неофициального корреспондента: Письма к жене (август 1914 — май 1915) / Общ. ред., сост., подгот. текста и коммент. М. В. Орловой. М., 2015.

⁶⁶ Автохарактеристика Брюсова из письма Гаккебушу от 19 января 1912 г. (А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 175)

⁶⁷ Так, Брюсов сообщал жене 28 августа 1914 г.: «Варшава утомила меня тем, что образовалось множество знакомств. Газеты стали писать обо мне, что вот де он у нас <...> Обо мне писали также в московских и петерб<ургских> газетах (Биржевые вед<омости>, 26 авг<уста>» (Там же. С. 27). Имеется в виду: [Б. п.]. Брюсов в Польше: Прием Брюсова польскими писателями: (По телеграфу из Москвы) // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1914. 25 авг. № 14333. С. 3; то же // Там же. 26 авг. № 14334. С. 4.

⁶⁸ См.: И. М. В. Я. Валерий Брюсов о военных корреспондентах: (Беседа с В. Я. Брюсовым) // Голос Москвы. 1915. 15 янв. № 11. С. 2.

⁶⁹ См.: Известия Московского литературно-художественного кружка. 1915. Вып. 10. С. 39. Ср.: «На ужине присутствовали около 100 человек: членов дирекции и Кружка, литераторов, артистов, общественных деятелей» ([Б. п.]. Чествование В. Я. Брюсова // Русские ведомости. 1915. 20 янв. № 15. С. 6). Заметки об этом событии были помещены в «Голосе Москвы», «Утре России», «Русских ведомостях», «Вечерней газете» (Вильна) и др. изданиях.

Насколько ценен был для редакции теперь уже постоянный сотрудник, можно судить по тому обстоятельству, что практически все материалы, присылаемые им для публикации — не исключая и те, которые сам автор сопровождал категорическими комментариями, а порой и просьбой просто не печатать, а подождать лучшего,⁷⁰ — все эти материалы находили место на страницах пропперовских изданий. Большинство из опубликованных здесь произведений поэт включил впоследствии в сборник «Семь цветов радуги». На страницах петербургской газеты нашел место брюсовский перевод знаменитого стихотворения Э. По:⁷¹ «...по крайней мере в течение столетия, пока русский язык не видоизменится, никто не сумеет передать “Ворона” ближе к подлиннику, чем то сделал я», — предупредомлял переводчик редакцию.⁷²

Приобретая в лице Брюсова деятельного «вкладчика» издания, Измайлов задумал привлечь писателя и в качестве военного корреспондента. 27 апреля 1915 г. последний отвечал на неофициальное предложение: «Если бы обстоятельства сложились так, что я прекратил бы свою корреспондентскую деятельность в “Русс<ких> вед<омостях>”, я был бы очень рад возобновить и продолжить ее в “Бирж<евых> вед<омостях>”. “Начав войну”, мне хотелось бы довести ее до конца, и было бы досадно бросить дело на половине, видеть первые акты великой трагедии, а потом уйти из театра и быть вынужденным довольствоваться

⁷⁰ Ср., напр.: «...два моих довольно-таки “средних” стихотворения», «...“умеренные” по достоинствам», «...оба они не вполне хороши <...> много риторики <...> какая-то двойственность, старое смешано с новым и кажется просто несовершенным», баллада «совсем не хороша», «рассказ: довольно-таки незначительный (по содержанию), но все же слишком большой (по размерам)», «все стихотворения — не “беспорны”», «несколько стихотв<орений> весьма “среднего” достоинства» (А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 179, 192, 195, 196, 203, 206, 217, 218). Известно только два случая, когда брюсовские тексты были отклонены редакцией (Там же. С. 198, 207).

⁷¹ Биржевые ведомости. Утр. вып. 1915. 1 июня. № 14877. С. 2.

⁷² А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 183.

чужими рецензиями... Итак, рассуждая *принципиально*, я Вас очень благодарю за предложение и не считаю его неприемлемым». ⁷³ По-видимому, потенциальная готовность сотрудничать в петербургской газете в новом статусе, в числе прочих причин, обусловлена и непростыми отношениями Валерия Яковлевича с редакцией «Русских ведомостей». На нещадное «царапание», сокращение его статей и корреспонденций он не раз сетовал в письмах Иоанне Матвеевне. ⁷⁴ Получение письма от московского редактора с просьбой продолжить поставлять материалы для издания поставило точку на едва начавшихся переговорах.

Столь же деятельное сотрудничество Брюсова с «Биржевыми ведомостями» продолжилось и после его возвращения из прифронтовой зоны. В переписке 1915–1916 гг. важное место занимает интенсивная работа над антологией армянской поэзии: в конце июня 1915 г. Валерий Яковлевич согласился на предложение Московского армянского комитета стать редактором сборника национальной поэзии. ⁷⁵ Одним из основных участни-

⁷³ Там же. С. 184.

⁷⁴ Ср., напр. п. от 14 октября и 1 ноября 1914 г., 18 февраля, 1, 28 марта, 1 апреля 1915 г. (опубл.: *Брюсов В. Письма неофициального корреспондента*. С. 64, 75, 151, 161, 179, 180, 183). Большие сокращения, которым подвергались брюсовские корреспонденции, связаны в том числе и с требованиями военной цензуры. Статьи републикованы в кн.: *Политика и поэтика: Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: Публ., исслед. и матер.* М., 2014. После очередного отказа властей в присвоении звания военного корреспондента в письме от 6 августа 1914 г. он обсуждает с супругой причины и следствия этого решения, возможность дальнейшего сотрудничества: «...если обстоятельства не изменятся (а они, вероятно, не изменятся <...> думаю все же вернуться в Москву» (*Брюсов В. Письма неофициального корреспондента*. С. 35). А в письме жене от 14 октября речь заходит о потенциальной конкуренции со стороны командированного от «Русских ведомостей» корреспондента: «А что же я? Послал в том смысле запрос А. А. Мануйлову. Может быть, посылка того Конткова-Конькова — намек, что я им больше не нужен» (там же. С. 63).

⁷⁵ *Поэзия Армении: С древнейших времен до наших дней в переводе русских поэтов*. М., 1916.

ков предприятия стал армянский литератор Погос Макинцян. Он в течение летних месяцев, пока Брюсов жил на даче в Бурково, выступал в качестве преподавателя армянского языка для поэта, читал ему курс «лекций» по истории армянской поэзии. Брюсов стал основным переводчиком «Поэзии Армении», он перевел для этого издания более сотни произведений.⁷⁶ Эти переводы неоднократно появлялись на страницах «Биржевых ведомостей» и «Огонька». 8 марта 1916 г. Валерий Яковлевич не без гордости сообщал своему адресату: «Когда сборник выйдет, Вы увидите, какой неимоверный труд был все же мною исполнен за полгода: я изучил целую литературу, обнимающую 1½ тысячелетия (а, точнее, и все 2½, от V века до Р<ожества> X<ристова>!)», — и тут же не без самоиронии добавлял: «Не предлагаю Вам переводов с армянского, так как много печатал их за эти месяцы в разных изданиях <...> и думаю, что они читателю (некоему, “собирательному”, который все же существует) надоели».⁷⁷ В том же письме, объясняя несвоевременный ответ на корреспонденции Измайлова, поэт рассказывал о своей поездке на Кавказ в начале января 1916 г. В августе «Поэзия Армении» вышла из печати, а в октябре Брюсов со ссылкой на издателя — Московский армянский комитет — обратился к своему постоянному рецензенту с просьбой об отзыве: «Как редактор сборника, я не вправе судить об нем, но, кажется, могу сказать, что он впервые открывает русским читателям целый мир, — мир древней армянской поэзии, представляющий, на мой взгляд,

⁷⁶ Подробнее см.: *Макинцян А. П.* Из истории создания «Поэзии Армении» // Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968. С. 148–209. См. также: Брюсов и Армения. Ереван, 1989. Т. 1, 2; *Соболев А. К.* истории «Сборника финляндской литературы» // *Russian Literature*. 2012. LXXI, II, p. 229–251; *Александрова Э. К.*: 1) К истории создания переводов Вячеслава Иванова из армянской поэзии // *Вестник Ереванского университета*. Серия «Русская филология». 2016. № 1 (4). С. 3–24; 2) Вячеслав Иванов в работе над переводами для «Поэзии Армении» // *Литературные события и феномены XX века: Год 2016: Сб. науч. трудов / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН*. СПб., 2017. С. 27–45.

⁷⁷ А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 212.

огромный художественный интерес. Насколько переводчикам и редактору удалось воссоздать этот мир в одеянии русских стихов, — решите Вы, но, что сам по себе он заслуживает величайшего внимания, на этом я настаиваю».⁷⁸ Остается неизвестным, выполнил ли критик просьбу Брюсова — отзыв Измайлова не обнаружен.

Личное знакомство, регулярное эпистолярное общение еще в 1913 г. подвигли недавнего зоила стать по отношению к Брюсову-писателю чуть ли не на защитительные позиции в его статье, полемизирующей с книгой А. Шемшурина «Футуризм в стихах В. Брюсова» (М., 1913). Здесь Измайлов, развенчивая исследовательский «метод» автора, позволивший последнему назвать Брюсова «предтечей футуризма», иронично углубляет родовую словную течения до «старика» Пушкина: «...первым футуристом был, конечно, он».⁷⁹ Но декадентские «вычур» раннего творчества, «фиолетовые руки» и «белые ноги» <так!> еще долго будут фигурировать в измайловских статьях о Брюсове. В марте 1915 г. сочувственно откликаясь на «Озимь» Бориса Садовского,⁸⁰ не вступая в полемику, Александр Алексеевич становится на излюбленную стезю — «критика русского *décadence*'а»,⁸¹ «застрельщика строкогноз»⁸² — и со злорадством солидаризируется с упреком Садовского в адрес Брюсова, сближающего его

⁷⁸ Там же. С. 227.

⁷⁹ Измайлов А. А. Боемструй и Влетубух // Русское слово. 1914. 18 янв. С. 4.

⁸⁰ См.: Садовской Б. А. Футуризм и Русь: Юбилей безвременья (1889—1914) // Садовской Б. А. Озимь: Статьи о русской поэзии: (К. Бальмонт. А. Блок. В. Брюсов. И. Северянин. Футуристы). М.: Сириус, 1915. С. 24—25; 33—46.

⁸¹ По выражению В. В. Розанова, см.: Варварин В. [Розанов В. В.]. Критика русского *décadence*'а: (А. А. Измайлов. Помрачение божков и новые кумиры) // Русское слово. 1909. 29 сент. № 222.

⁸² По выражению Алексея Крученых, см.: Крученых А. Наш выход: Воспоминания // Русский футуризм: Стихи, статьи, воспоминания / Сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. СПб., 2009. С. 585. В еще более категоричном варианте карикатуриста Ю. Гом-Барга Измайлов представлен «декадентским пугалом» (Оса. 1912. № 9. [Обложка]).

с футуристами. При этом Измайлов упрекает автора «оригинальной юбилейной статьи» о Брюсове, в личном раздражении против того, кого когда-то сам назвал «первым русским поэтом наших дней».⁸³

В апреле 1916 г., прервав сотрудничество с «Биржевыми ведомостями» и «Русским словом», Измайлов возглавил редакцию «Петроградского листка». После ухода Александра Алексеевича из газеты поэт продолжил участие в петербургском издании. Как и при Измайлове, он поставлял в газету сведения о литературных событиях, которые помещались без подписи автора, публиковал стихи, рассказы, статьи, участвовал в критико-библиографическом отделе.⁸⁴ Измайлов же на новом посту задумал реформировать на тот момент популярную газету, не выделяющуюся из общей массы бульварной прессы для городских низов, — и успешно справлялся с этой задачей, привлекая к сотрудничеству известных литераторов и общественных деятелей.⁸⁵ Однако его регулярные письма к Брюсову 1916—1917 гг., призывающие стать вкладчиком «Петроградского листка», участвовать в его многочисленных анкетах на разные темы,

⁸³ *Измайлов А. А.* Темы и парадоксы: Современная накипь. — Молодое поколение у молодых романистов // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1915. 30 марта. № 14753. С. 2.

⁸⁴ Подробности дальнейшего сотрудничества Брюсова с «Биржевыми ведомостями» отражены в его переписке 1916—1918 г. с новым заведующим литературным и библиографическим отделом газеты А. Л. Вольнским (см.: Из переписки Валерия Брюсова и Акима Вольнского / Вступ. заметка, публ. и прим. М. В. Покачалова и Л. А. Сугай // *Неизвестный Брюсов: (Публикации и републикации)*. Ереван, 2005. С. 392—400).

⁸⁵ О преобразованиях, которые совершились в «Петроградском листке» под руководством Измайлова см.: *Александров А. С.* А. А. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916—1918) // *Русская литература*. 2008. № 4. С. 133—142; *Шмагун О. В.* Известные журналисты в газете «для дворянчиков и лакеев» // *Медиаскоп: Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова*. 2016. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2140>. (Дата общ.: 1.08.2018).

в большинстве случаев не приносили искомого. По-видимому, дело заключалось не в том, что поэту было «глубоко ненавистно» «все, что носит характер хотя бы самой слабой саморекламы»⁸⁶ — о чем он не раз лукаво сообщал своему корреспонденту еще в период сотрудничества Измайлова в «Биржевых ведомостях», не преминув при этом посылать перечни работ, которыми был занят, сообщения «от третьего лица» для литературной хроники и пр. Представляется, что маститый писатель в некоторой степени гнушался неизвестного ему издания, на что и намекал в ответных корреспонденциях: «Но что такое “Петроградский листок”? Признаюсь: я плохо себе его представляю. Интересуется ли он сколько-нибудь литературой? Думаете ли Вы его, в этом отношении, реформировать?».⁸⁷ Впрочем, настойчивость редактора была вознаграждена, и в новогоднем номере петроградского издания за 1917 г. было помещено стихотворение «Путь и жизнь» («Озарен лампадой темной...») — единственная публикация Брюсова в издании.⁸⁸

Революция 1917 г. разъединила заочных собеседников, прервала их переписку. Однако, диалог не завершился. Последнее слово сказано было не в письме, а позже — в марте 1921 г. Измайлов, прошедший в своем восприятии брюсовского творчества извилистый путь от полного отрицания молодых декадентских опытов до чуткого улавливания смыслов и настроений нового литературного течения, итог собственный жизни подвел эпитафией, выбранной за несколько лет до смерти — неточной цитатой из раннего стихотворения Брюсова⁸⁹ — «Я жил, я мыслил, я прошел как дым».⁹⁰

⁸⁶ Из неотправленного письма Брюсова от 6 августа 1916 г. (А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 225).

⁸⁷ А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 230.

⁸⁸ Републикацию см.: *Александрова Э. К. Тексты В. Я. Брюсова, «затерявшиеся» на страницах массовой петроградской периодики // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 102–114.*

⁸⁹ Имеется в виду стихотворение «В дни запусений» («Придут дни последних запусений...») из сборника «Tertia Vigilia: Книга новых стихов:

2

В орбиту внимания Измайлова Блок впервые попадает, по видимому, после публикации в «Ежемесячном журнале для всех» (1904. № 4) стихотворения «Из газет» («В последнем миганьи лампадных лучей...»), удостоенного столь же уничижительной оценки: размер (акцентный тонический стих), рифма, композиция, принцип повтора — все несомненные блоковские новации вызывают у него лишь недоумение «эмансипацией» «декадентского поэта» от общепринятых стихотворных норм и осуждение редакции журнала, допустившей на свои страницы этот образчик «новой формы стихов».⁹¹

Изменение стратификации литературного поля, обозначившееся уже к середине 1900-х годов (утрата авторитетности «толстыми» литературными журналами, популярность альманахов, тематических сборников, расширение символистской издательской базы, мода на «новых поэтов» и пр.), не могло не отразиться на литературно-критической позиции традиционалиста Измайлова. К 1905 году его взгляд на современный литературный процесс оказывается заметно скорректированным: «новые песни» уже не кажутся в этой ситуации лишь проявлением «урод-

1897—1900» (М.: Скорпион, 1900). В оригинале последняя строка звучит: «Я был, я мыслил, я прошел как дым...».

⁹⁰ В. В. Смирнский свидетельствует в своих воспоминаниях об Измайлове: «Весь этот год он подумывал о смерти, предчувствуя свой близкий конец. У него уже было написано завещание, и даже была сделана доска на могильный крест, которую он мне однажды показал. На ней было написано: “Я жил, я мыслил, я прошел как дым”» (*Скорбный, Андрей*. Александр Алексеевич Измайлов: Монография. Пб., 1922. С. 16). Могила Измайлова с этим надгробием на Смоленском кладбище в Петербурге сохранилась.

⁹¹ См.: *Измайлов А. А.* Литературные заметки // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1904. 1 мая. № 221. Повторная публ.: Новая иллюстрация. 1904. № 17. С. 134. Комментарий к стих. «Из газет» («Встала в сияньи. Крестила детей...») см.: Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. М., 1997 — продолжающееся изд. С. 614—615. Далее сноски на это издание даны в скобках при цитате, с указанием тома и страницы.

А. А. Блок.
Литературный музей ИРЛИ

ства» и «странности», а «декадентству» отводится свое место в литературной эволюции: «...теперь, когда линии установились, за декадентством нельзя отрицать известных и несомненных заслуг». ⁹² Несмотря на относительное «смягчение» суждений, ему никогда не станут близки лирические драмы Блока и их режис-

⁹² Измайлов А. А. Литературные заметки: О новом времени и новых песнях // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1905. 8 апр. № 8764. С. 2.

серские трактовки на экспериментальной сцене,⁹³ как и поэтика сна, грезы или условность приема модернистской «маски». Но симптоматично, что его реакция на модернистский эпатаж становится спокойнее, отзывы о творчестве современников, отдавших предпочтение «новым веяниям», — более конструктивными. Откликаясь на второй поэтический сборник Блока «Нечаянная Радость» (1906; на обл.: 1907), критик уже допускает существование «смутного и неуловимого» лирического мира как выражение «современной души», правда, с оговоркой: душа эта отгорожена от жизни полусонными грезами и инфантильным мирозерцанием. Таков Блок — «талантливый поэт, удивительно воплотивший в себе черты современной поэтически настроенной души, отдающейся своим неясным, туманным, полусознанным грезам, создавшей для себя особый мирок, особую точку взгляда на мир, наивную, непосредственную, полудетскую».⁹⁴ Подводя итоги 1907 года, Измайлов вновь обращается к феномену успеха «талантливого, но в высшей степени неровного и моментами перехватывающего за крайние грани импрессионизма А. Блока (“Нечаянная радость”, “Снежная маска”)),⁹⁵ а следующий блоковский сборник «Земля в снегу» поставит «несравненно ниже “Нечаянной радости”».⁹⁶

Одна из наиболее удачных статей критика о творчестве Блока относится к началу 1908 года — это пространный фельетон под

⁹³ Ср.: «Так пишутся Блоками “Балаганчики”, и модернизма ради юридические режиссеры освещают их светом рампы. Так пишутся “Незнакомки”, где какие-то “Голубые” ждут, пока в их объятия не попадет звезда с неба и не превратится в какую-то мистическую женщину с именем Мария...» (Измайлов А. А. На переломе (Литературные размышления) // Библиотека «Театра и искусства». 1908. № 1. С. 50).

⁹⁴ Измайлов А. Литературные беседы. [Последние моды в литературе. — Спор старого и нового. — Реальная проза и полудремотные настроения. — «Нечаянная радость» А. Блока. — Неоархаизм, Державин, Вяч. Иванов и Вильгельм Кюхельбекер] // Русское слово. 1907. 15 мая. № 110. С. 2.

⁹⁵ Измайлов А. Литература за 1907 год // Слово. 1908. 1 янв. № 343. С. 4.

⁹⁶ Аякс [Измайлов А. А.]. В литературном мире // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1908. 9 сент. № 10697. С. 3.

названием «Шифрованная поэзия: (Новые веяния в поэзии. — Городецкий, Блок)», опубликованный первоначально в газете «Слово». Автор соглашается с модернистами в их праве «делиться своими неясными, смутными, неопределенными настроениями» и допускает, что «поэзия имеет право быть иногда неясной». Критик пишет: «Идет новое время в литературе. И высшая прелесть этой новой литературы в некоторой ее недосказанности, в том, что читателю местами нужно кое о чем самому догадаться».⁹⁷ Дешифровщиками современной литературы, по мнению Измайлова, должны выступать современные критики, способные подобрать код для прояснения «смутного, неуловимого» смысла отдельных произведений. Сообразно своей концепции Измайлов интерпретирует ряд стихотворений поэта, подбирая к ним ключи, приоткрывающие блоковские смыслы. Стихотворение «Девушка пела в церковном хоре...» критик пытается объяснить проекцией поэтической образности на реальные события: «Смысл этого стихотворения нам совершенно ясен? Не совсем. Попробуйте понять его, предположив, что при нем есть примечание, приурочивающее его ко времени ухода нашего флота на войну. Богослужение... Девушка на клиросе, в хоре... Радостное настроение веры и надежды... Флот благополучен... Только там, у Царских Врат, плачет сейчас причащенный ребенок. Плачет потому, что знает тайну — из ушедших никто не вернется».⁹⁸ Современник событий Русско-японской войны, критик не стал проводить прямые аналогии между содержанием стихотворения и конкретными историческими реалиями, ограничившись общим указанием на войну и трагедию, постигшую русских моряков. Уже современные исследователи, ориентируясь, по-видимому, на замечания Измайлова, а также владея всем сводом биографических данных (эпистолярный, записные книжки и дневники), соотнесли содержание этого стихотворе-

⁹⁷ *Неблагодарный читатель* [Измайлов А. А.]. Шифрованная поэзия (Новые веяния в поэзии. — Городецкий, Блок) // Слово. 1908. 22 февр. № 387. С. 2—3.

⁹⁸ Там же.

ния с драматическими событиями 14–15 мая 1905 года – гибелью 2-й русской эскадры Тихоокеанского флота в морском сражении при Цусиме.⁹⁹

Инкорпорируя часть своего фельетона в книгу «Помрачение божков и новые кумиры» (1910), Измайлов дополнил его еще одним соображением относительно заключительной строфы стихотворения:

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

(2, 64)

Сохраняя свой комментарий, суть которого в том, что здесь изображен «причащенный ребенок», который «плачет потому, что знает тайну — из ушедших никто не вернется», критик делает к нему подстрочное примечание, где выдвигает предположение о том, что в последних строках зашифровано описание иконы Богоматери с младенцем Христом: «Может быть, “причастный тайнам”, знающий все тайны грядущего — Христос, изображенный в виде ребенка на руках Богоматери, у царских врат».¹⁰⁰

⁹⁹ См: 2, 645–646. Ср.: «Но мало кто, видимо, связывает это стихотворение, написанное в августе 1905 года, с событиями русско-японской войны. В самом деле, о чем поет девушка? Об ушедших в море кораблях, о людях, оставшихся на чужбине и забывших “радость свою”. <...> Блок написал стихотворение (и, кстати, написал быстро, черновик его в записной книжке не дает существенных разночтений) через одиннадцать месяцев после того, как из Любавы вышла русская эскадра для следования к берегам Японии, и через три месяца после Цусимского сражения» (*Долгополов Л. К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX — начала XX веков. М.: Л., 1964. С. 56*).

¹⁰⁰ Ср.: «Едва ли совершу нескромность, отметив, что предложенное истолкование высказано А. А. Луговым в одной из частных со мной бесед, как и далее, — предлагая его комментарий из частных писем к пьеске Блока о Христе-младенце» (*Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры. С. 229*).

Эта мысль была подсказана Измайлову его эпистолярным собеседником А. А. Тихоновым-Луговым,¹⁰¹ письмо которого с комментариями к блоковским стихотворениям сохранилось в архиве критика. В нем в частности сообщалось: «С большим интересом прочитал я в “Слове” Ваш фельетон “Шифрованная поэзия” <...>. Что касается Александра Блока, то я с удовольствием готов применять к нему — во всем его объеме — цитируемое Вами базедовское изречение, хотя это кощунство — применять к Блоку что бы то ни было сказанное о Канте.¹⁰² Я, например, не берусь толковать приведенное Вами его стихотворение, но и с тем объяснением, которое даете Вы, не могу вполне согласиться. О девушке, о флоте, Вы, может быть, совершенно правы, хотя, может быть, это кто-нибудь истолкует и иначе (как я сейчас покажу Вам на втором цитируемом Вами стихотворении), — но я, например, совсем иначе понимаю слова о ребенке, причастившемся и стоящем у Царских врат. По-моему, это — Христос Причастный Тайнам — знающий все тайны грядущего, Христос, изображенный в виде ребенка на руках Богоматери, высоко на иконе у Царских врат, — это Христос плачет».¹⁰³

Примечательно, что Измайлов приводит интерпретацию Лугового не в основном корпусе статьи, а в подстрочном примечании. По-видимому, придерживаясь того мнения, что в последней строфе дан намек на обряд причащения Святых Тайн, Измайлов не во всем соглашался со своим корреспондентом, хотя и отда-

¹⁰¹ Там же. С. 228.

¹⁰² Фельетон Измайлова написан в форме диалога критика с приятелем-дилетантом, с реплики которого и начинается разговор: «Помните анекдот про педагога Базедова? Он брался осилить какой угодно новый предмет в две недели. Ему дали “Критику чистого разума” — Канта. Он попробовал читать и швырнул книгу в угол сказав: “Qui nou vult intelligi, non debet legi” (Кто не хочет быть понятым, того и читать не стоит)» (*Неблагодарный читатель* [Измайлов А. А.]. Шифрованная поэзия. С. 2).

¹⁰³ Письмо А. А. Тихонова-Лугового к А. А. Измайлову от 27 февраля 1908 г. См. в наст. изд., с. 608.

вал должное его оригинальной трактовке.¹⁰⁴ В иконографической традиции не принято изображать Богородицу с плачущим младенцем. Как отмечает М. Б. Плюханова, «Богородица, вместившая свет и сама, и в ее чудотворной иконе, несущая Младенца, понимается как изливающий свет источник, эманация света, энергия сияния и изливания благодати и мудрости, кипения неистощаемых светлостей».¹⁰⁵ Измайлов, хорошо знакомый с иконографией Богородицы, по-видимому, не улавливал в блоковских строках подобной ассоциации — отчасти поэтому данная интерпретация не получила в его критике дальнейшего развития. Представляя две точки зрения на финал стихотворения, он склонен был движение авторской мысли рассматривать как переход от изображения реальной литургической ситуации (евхаристии) к углублению общей мистико-символической атмосферы и в итоге — к «явлению» Младенца. Надо отдать должное интуиции критика. Ведь, судя по черновому автографу в записной книжке № 11, первоначальный замысел заключительной строфы был связан с образами, соотносимыми с обрядовой реальностью Таинства причастия. Ст. 14—15 выглядели следующим образом:

Но причащенный¹⁰⁶ у царских врат
Священник плакал у пурпурных складок

Далее следовали зачеркнутые наброски:

¹⁰⁴ Определенные ноты сомнения находим в ответном недатированном письме критика к А. А. Тихонову-Луговому: «Я гарантировал бы человечеству стать если не гениальным, то, безусловно, интересным критиком, если бы люди, подобные Вам, почаще толкали мою мысль и делали мне те подсказки, какие сделали Вы. Я с огромным интересом читал и это Ваше письмо. И эти Ваши догадки превосходны. Если в “Колдуне, укачавшем весну” еще можно видеть натяжку, то “младенец Христос”, м<ожет> б<ыть>, в самом деле, ближе к правде, чем я догадывался» (наст изд., с. 612).

¹⁰⁵ *Плюханова М. Б.* «Кипѣние свѣта»: Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. СПб., 2016. С. 3—4.

¹⁰⁶ *Начато*: Но за причастьем <?> (2, 323).

а. Завесы царских ворот

б. Приняв причастье у царских врат

В процессе дальнейшей работы над финалом поэт усложняет ситуацию и насыщает последние строки символическим смыслом. Вместо *священника* в заключительном варианте ст. 15 появляется образ *ребенка*, а ст. 14–16 читаются так:

Но причащенный у царских врат

Плакал ребенок у пурпурных складок

О том, что никто не вернется назад.¹⁰⁷

В окончательном тексте прямое указание на евхаристию заменяется символическим *причастный Тайнам* (2, 323). Окончательный вариант ст. 14 с конкретизацией места описываемой ситуации — «И только высоко, у Царских Врат» — с большой долей вероятности позволяет предположить отсылку к иконописному образу.¹⁰⁸

С общественно-психологической атмосферой, вызванной событиями русско-японской войны, связывает Измайлов и стихотворение Блока «В лапах косматых и страшных...». Используя прием парафраза, критик по сути произвольно домысливает сюжет стилизованной лирической зарисовки, принципиально не поддающийся однозначной трактовке, стараясь сделать его «понятным» читателю. «С примечанием вам опять все понятно. Детская... Маленькие кровати. Догорает весенний день... Точно какой-то колдун укачал весну в своих косматых и страшных лапах... Мать крестит улегшихся детей. Но никому она не смотрит в глаза. Ей страшно, что эти доверчивые детские глазки просто

¹⁰⁷ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 48.

¹⁰⁸ Оригинальная трактовка, предложенная Тихоновым-Луговым и зафиксированная в книге Измайлова, была учтена современными исследователями. Ср.: «Стихотворение трагично. Но понимание существа трагедии, ее “тайного” смысла вложено в уста “ребенка” (Иисуса Христа)» (*Долгополов Л. К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков. С. 56*). См. также: *Спиридонова И. А. Молитва в лирике А. Блока («Девушка пела в церковном хоре...»)* // Проблемы исторической поэтики. 2013. № 11. С. 280–296.

и наивно спросят, где их отец. Он, очевидно, ушел туда же, далеко, на войну, и, кто знает, жив ли еще? Дети лепечут о вчерашнем сне, — каком-то корабле, матросике, золотой птице. Больше самой себе, чем детям, мать говорит им, что вчерашний сон не приснится. Одно и то же снится ей, день и ночь думающей о муже и море...»¹⁰⁹

Тот же парафрастический прием лежит и в основе «анализа» стихотворения «Моей матери» («Тихо. И будет всё тише...»). Здесь критик, к счастью, избегает поверхностных социологических суждений «на злобу дня» и сосредотачивает внимание на суггестии текста, увидев в нем «интимное, задушевное, дорогое»: «И вот попробуйте представить себе старый маленький домик <...>. Тихая улица... Круглое маленькое окно на чердаке... В нем, действительно, как в нимбе маленькая детская головка... Жестяной пегушок — флюгарка, действительно опрокинут в синюю глубь небес. <...> Он вертится и поет. Смутное, дремотное воспоминание... Может быть, самое первое сознательное воспоминание, полное невозвратной прелести, связанное с понятием матери и матери посвященное. И эта самая смутность, полудремотность, выхваченность впечатления из всех сопутствующих бытовых деталей — именно хорошо передана в этой лапидарной чуть-чуть сумбурной форме».¹¹⁰

Отмеченные стихотворения также стали предметом обсуждения между Измайловым и его корреспондентом. Тихонов-Луговой в своем развернутом эпистолярном комментарии уточняет некоторые моменты предложенной критиком интерпретации: к стихотворению «В лапах косматых и страшных...» дает собственное пояснение, стихотворение же «Моей матери» («Тихо. И будет всё тише...») прочитывает не как «смутное, дремотное воспоминание», а находит в нем «революционный» подтекст. «Следующее стихотворение: “В лапах косматых и страшных Колдун укачал весну”, — я объясняю, как реакцию, задушившую весну освободительного движения; дети — учащаяся молодежь,

¹⁰⁹ *Неблагодарный читатель* [Измайлов А. А.]. Шифрованная поэзия. С. 3.

¹¹⁰ Там же.

теперь затихшая; мама — родина; сны — ожидание новой “весны”; “ты сегодня другое увидишь во сне” — молодежь временно отдается другим мечтам, ей, этому поколению, никогда уже не вернуться к вчерашнему дню, и только матери-родине снится все одно и то же: грядущая, хотя бы и далекая, свобода.

Таким же “революционным” настроением объясняю я и стихотворение “Тихо. И будет все тише. Флаг бесполезный опущен и т. д.” А оловянный петушок это — поэт, в своих колеблющихся по настроениям стихах указывающий направление политической погоды. — Возможность таких толкований указывает только на точность Вашего содержания».¹¹¹

В своих последующих критических разборах Измайлов воздержался от обнародования точки зрения своего корреспондента. Трудно сказать, что было тому причиной: или цензурные условия, или спорность нарочито прямолинейных трактовок.

Другая обстоятельная статья Измайлова о творчестве Блока — «Цветы новой романтики» — была включена в его книгу о писателях-современниках «Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья», составленную из заметок и фельетонов 1905–1910-х годов. Оценки творчества поэта-символиста здесь более взвешены, поскольку статья писалась в годы известности и общественного признания поэтического дарования автора «Незнакомки». Критик высоко оценивает первую книгу поэта «Стихи о Прекрасной Даме» и рассматривает ее как явление неоромантизма: «Это было явное обращение к давно улегшимся в нашей поэзии настроениям, возрождение чистой былой романтики в несколько новом и своеобразном наклоне. Большая часть стихов этой книги была выражением какого-то нежного, интимного влечения поэта к какому-то женскому образу — не к одному определенному <...>, а к какому-то почти отвлеченному обобщению женщины, того вечного женственного начала, которому Гёте первый подыскал имя».¹¹² Характерная черта, отличающая литературно-критические выступления Измайлова,

¹¹¹ См. в наст. изд., с. 609.

¹¹² Измайлов А. А. Пестрые знамена: (Литературные портреты безвременья). М., 1913. С. 59.

посвященные писателям-модернистам, — это стремление включить их творчество в определенную литературную традицию, опираясь при этом как на их собственные высказывания, так и на свое художественное чутье. Так, истоки творчества Блока он возводит к романтической традиции: «Через век реализма, через крайности материализма 60-х годов, через практицизм и холод 90-х — как-то таинственно прорвалась, пробилась, просочилась романтика времени Жуковского и воплотилась в человеке, считающем 1880 год — годом своего рождения».¹¹³ Подобные попытки найти преемственные связи новой поэзии с предшествующей литературной традицией, обозначить своего рода скрепы в современном литературном движении можно объяснить желанием, с одной стороны, понять поэзию «тайн, неведомого, несознанного», с другой — помочь массовому читателю разобраться в сложности новых художественных направлений. Так, например, обратив внимание на связь поэзии Блока с творчеством Полонского, критик смог раскрыть существенные и органические стороны блоковской поэтики: «В Блоке многое от Полонского. Его желание подметить смутность человеческих грез, его наивность, почти детскость порою. Как Полонский не боялся страшно обыденных слов, которых с ужасом бежал бы наш классик 30—40-х гг. <...> так Блок смело замыкает их в свой стих. Он играет на определенной прелести вторжения в его поэтические сны будничного, обыкновенного, серенького, придающего им такой колорит жизненной уютности и правды».¹¹⁴

Работая в массовых периодических изданиях и с необходимостью ориентируясь на широкие читательский круги, Измайлов в своей критической деятельности широко использовал методы и приемы, характерные для представителей газетной фельетонистики: эпатазирующие заголовки и темы, включение пародий в статьи обзорного характера, мистификации с целью

¹¹³ Измайлов А. А. Пестрые знамена. С. 58—59.

¹¹⁴ Измайлов А. Иероглифы новой поэзии // Образование. 1908. № 9—10. С. 39. 3-я паг. Ср.: Измайлов А. Помрачение божков и новые кумиры. М., 1910. С. 220.

привлечения общественного внимания к публикуемым материалам. Пародии Измайлова снискали достаточную популярность в первом десятилетии XX века. Вышедшие отдельной книгой, они приобрели широкое хождение в читательской среде и были заинтересованно встречены даже теми литераторами, которые стали объектами остроумных пародий. В сборник «Кривое зеркало» вошло и несколько поэтических шаржей на Блока, которые, впрочем, были не самыми удачными образцами творчества Измайлова-пародиста.

Одним из эпатажных поступков Измайлова, органично вписывающимся в стиль работы представителей газетной фельетонистики, стала публикация в вечернем выпуске газеты «Биржевые ведомости» за 12 февраля 1909 года «Письма в редакцию» (под заглавием «100 рублей за объяснение»), где стихотворение Блока было приведено как пример бессмысленных «стихов-загадок», требующих перевода «на общепонятный язык». «Прочитывая стихи большинства современных русских поэтов, я часто не могу уловить в них здравого смысла, и они производят на меня впечатление бреда больного человека <...> Я обращался за разъяснением этих стихов-загадок ко многим литераторам и простым смертным людям, но никто не мог мне объяснить их, и я готов был прийти к заключению, что эти непонятные стихи действительно лишены всякого смысла и являются плодами больного рассудка <...> Этим письмом я предлагаю всякому, — в том числе автору, — *уплатить 100 рублей за перевод на общепонятный язык* стихов Александра Блока “Ты так светла...”».¹¹⁵ Письмо было опубликовано за подписью профессора медицины П. И. Дьяконова, однако отдельные факты позволяют предположить, что под маской профессора скрывался сам Измайлов, питавший склонность к скандальным мистификациям.¹¹⁶

¹¹⁵ Дьяконов П. И. 100 рублей за объяснение // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 12 февр. № 10956.

¹¹⁶ Подробнее см.: Александров А. С., Александрова Э. К.: 1) Позитивисты vs. Символисты (К истории восприятия одного блоковского стихотворения) // Филологические науки. 2015. № 5. С. 33—41; 2) Маска про-

* * *

В 1907—1909 годах, в период появления наиболее значительных отзывов Измайлова о поэзии Блока, между ними завязывается эпистолярный диалог. Письма Блока носят преимущественно деловой характер, корреспонденции же Измайлова не сохранились.

Начало их переписки относится к осени 1909 года, когда Измайлов координировал работу от издательства А. Ф. Маркса по подготовке собрания сочинений К. Гамсуна (в качестве приложения к журналу «Нива»), то есть фактически выполнял обязанности секретаря проекта. Подбирая коллектив переводчиков, критик приглашает к участию в издательском предприятии и Блока. В ответном письме от 27 октября 1909 года поэт дал согласие на сотрудничество и высказал свои литературные предпочтения.¹¹⁷ О предстоящей работе над переводами произведений норвежского писателя Блок извещал свою мать в письме от 4 ноября 1909 года: «При “Ниве” прилагается полное собр<ание> соч<инений>. Я переведу неск<олько> мелких рассказов (с немецкого) и получу 50 р. за лист» (*Письма к родным*, 1. С. 280).

Однако семейные обстоятельства не позволили поэту приступить к намеченным планам: в ноябре 1909 года он вынужден был спешно выехать в Варшаву к умирающему отцу. Впрочем, поэт не подвел издателя и передал материалы жене — Л. Д. Блок.¹¹⁸ К 10 января 1910 года переводы рассказов были выполнены, хотя тексты еще были «не отбелены и не переписаны».¹¹⁹ Очевидно, что Блок провел некоторую редакторскую работу, Впрочем, судить о характере его правки не представляется

фессора: (К истории одной мистификации) // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та технологии и дизайна. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2013. № 3. С. 57—61.

¹¹⁷ См.: А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 607.

¹¹⁸ Там же. С. 608. См. ее письмо к А. А. Кублицкой-Пиотух от 7 <?> декабря 1909 г. (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 358).

¹¹⁹ Письма А. А. Блока (1909—1916). С. 609.

возможным, так как рукописи переводов не сохранились. Готовые тексты были отправлены через три недели — 30 января. Рассказы «Рабы любви», «Победитель», «Отец и сын», «Голос жизни» появились в четвертом томе собрания сочинений Гамсуна с указанием имени поэта как переводчика.¹²⁰

Обмен корреспонденциями продолжался вплоть до марта 1916 года. По блоковским письмам можно восстановить тематику писем Измайлова: это просьбы о предоставлении стихотворений для публикации в «Биржевых ведомостях», о присылке портрета и автографа для сборника «Пестрые знамена». Блок также обращался к Измайлову с отдельными просьбами, например, в сентябре 1915 года ходатайствовал об отзывах на подготовленное им «Собрание стихотворений Аполлона Григорьева» (М.: Изд. К. Ф. Некрасова, 1916) и на том переписки Г. Флобера с К. Комманвиль в переводе А. А. Кублицкой-Пиоттух.¹²¹ Отзыв на «Стихотворения Аполлона Григорьева» (книга вышла в начале 1916 года) скорее всего, не был написан из-за перехода Измайлова из «Биржевых ведомостей» в «Петроградский листок» на должность редактора. Отзыв на переписку Флобера был опубликован в авторской рубрике «Темы и парадоксы», где, в частности, отмечалось: «“Шиповник” издал переписку Флобера, — огромный том интимных бесед с племянницей. Переписку эту нужно было иметь русскому читателю, чтобы сделать некоторые небезытересные заключения о писательстве у нас и на

¹²⁰ Подобные прецеденты случались в творческой практике Блока и ранее: опубликованный в 1907 году в «Северном сборнике» (изд. «Шиповник») подписанный его именем перевод рассказа Йенса Петера Якобсена «Пусть розы здесь живут» на самом деле был выполнен А. А. Кублицкой-Пиоттух. См.: Юргис Балтрушайтис — переводчик (По материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома) / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 гг. СПб., 2007. С. 520.

¹²¹ Флобер Г. Полн. собр. соч.: Новые пер. с послед. (юбил.) изд. Переписка: Т. 8. Ч. 1. Письма к племяннице: С прил. «Интимных воспоминаний» Каролины Комманвиль / Пер. А. А. Кублицкой-Пиоттух; Под ред. Александра Блока. СПб.: Шиповник, [1915].

западе <...> Переписка Флобера, — типичные письма литератора, живущего в благословенной стране, где века культуры совершенно отвоевали ему прекрасное право свободы писательской личности, свободы того взгляда на вещи, какой нравится, приписки к тому приходу, к какому больше лежит сердце».¹²²

С переходом в апреле 1916 года в «Петроградский листок» Измайлов сосредотачивается на редакторской работе и практически не откликается на события текущей литературной жизни. Переписка с Блоком, как и со многими другими ведущими литераторами начала XX века, обрывается. Руководя литературно-критическим отделом «Биржевых ведомостей», Измайлов выступал фактически в роли литературного агента для многих авторов, поддерживавших связь с изданием через его посредничество. Л. Н. Андреев, В. Я. Брюсов, В. В. Розанов, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, А. М. Ремизов, Ф. Сологуб охотно откликались на просьбы критика о публикации своих произведений, об участии в праздничных выпусках, анкетных опросах, интервью и пр. Перейдя в «бульварный» «Петроградский листок», Измайлов смог сохранить дружеские отношения со многими прозаиками и поэтами, но деловые отношения и связи фактически были разорваны из-за сомнительной репутации газеты, сотрудничества с которой при широких возможностях печатного рынка известные писатели и поэты старались избегать.

В 1918 году в «Петроградском листке» появляется последний по времени критический отзыв Измайлова о произведениях Блока — отклик на поэму «Двенадцать», появление которой взбудоражило современников, разведя их по разные стороны идеологических баррикад. Критик отмечает новаторские черты нового произведения поэта-символиста: фрагментарность композиции, неопределенность места действия, отсутствие центрального персонажа, но прежде всего — язык, вобравший многоголосие улицы и революционные реалии, например, лозунги.

¹²² Измайлов А. А. Темы и парадоксы: О писателе русском и иноземном. — Переписка Флобера. — Были ли дружны Пушкин и Гоголь? // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1915. 9 нояб. № 15199. С. 2.

Однако при всем своеобразии поэма, по мнению Измайлова, написана в характерном для Блока «неясном, туманном» стиле: «Двенадцать странных стихов в новом журнале левых эс-эров “Наш путь”. Может быть, необычно у Блока найти, у первого, включенные в стих лозунги “Вся власть Учред<ительному> Собранию”, читать про двенадцать парней, что пошли “в красной гвардии служить” — необычно для поэта, жившего доселе в очарованном мире милых гномиков, заповеданных лилий, влюбленных пчел, церковных свеч, маленьких девочек в голубом платье и элегических иноков. Так же необычно, как необычно было вообще увидеть А. Блока так, — на крайнем левом крыле. <...> Все остальное в “Двенадцати” — по прямой линии от Блока. Та же, знакомая неопределенность контуров — поэтическая метель, в которой вихрем кружатся образы, факты, обрывки слов <...>, где не очень ясно, пока не прочтешь все до конца, ни место действия, ни то, откуда взялся герой и что такое произошло между второй и третьей главкой. И столь же характерное веяние над фактом, над оболочкой какой-то иной, как бы “ино-го измерения”».¹²³

Вступая в полемику со статьей Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре», сопровождавшей публикацию поэмы в журнале левых эсеров «Наш путь» (апрель 1918), Измайлов выражал категорическое несогласие с предложенной здесь трактовкой финала, согласно которой Христос возглавляет шествие «двенадцати убийц», несущих, однако, «благую весть мировой социальной революции».¹²⁴ Для него, человека религиозного, была принципиально неприемлема, поскольку кощунственна, проводимая Ивановым-Разумником аналогия между двенадцатью красногвардейцами и двенадцатью апостолами. В отличие от сторонника левозсеровской идеологии, он был далек также и от того, чтобы видеть в поэме апологетическую оценку революционных событий. Аргументом в этом споре ему служила са-

¹²³ Измайлов А. А. «Двенадцать» // Петроградский голос. 1918. 5 июля. № 122. С. 2.

¹²⁴ См.: Александр Блок: Pro et contra / Сост., вступ. ст., примеч. Н. Ю. Грыкаловой. СПб., 2004. С. 262, 263.

ма языковая материя поэмы: «Что же, — славу поет Блок этой новой Руси? Не там ли эта слава, где он рисует Ваську <так!>, летящего с “Катькой-дурой” на лихачах, “с електрическим фонариком”, “в шинелишке солдатской, с физиономией дурацкой”? Не там ли, где этот Васька <так!> прострелил буйную ее голову? Чтобы принять это письмо за иконное, надо быть г. Ивановым-Разумником или Дон-Кихотом, решительно так же принявшим двенадцать каторжан за невинных страдальцев. И не там эта слава, где Блок дважды и трижды оттеняет, что его двенадцать идут “без креста” и “без имени святого”. Если и мерещится ему Христос впереди этой горсти в надвьюжном облаке, так, конечно, не как водитель их, а как Тот Единый Всепрощающий и Благодостный, Который не бежал и от мытаря и блудницы, и этих темных, страшных и кровавых не убоится».¹²⁵

Полярные идеологические трактовки поэмы Блока, характерные для пореволюционной эпохи и мотивированные социально-политическим контекстом, в настоящее время пересмотрены и воспринимаются как факт истории литературы и общественной мысли.¹²⁶ Свое определенное место занимает в ней и точка зрения Измайлова.

Таким образом, Измайлов, выстраивая свою профессиональную карьеру газетного фельетониста и литературного обозревателя, существенно эволюционировал в оценке «новой поэзии». Оставаясь сторонником моральной критики, он со временем смягчил свою позицию и скорректировал взгляды не только на творчество Блока, но и Бальмонта, Брюсова, отчасти Вяч. Иванова. «Приверженец реализма, поклонник творчества Л. Толстого и А. П. Чехова, он, проповедуя принципы “объективной”, нетенденциозной критики, смог создать яркие характеристики представителей “нового искусства”, перейдя от скептических оценок к признанию достижений “психологически-символистской школы”».¹²⁷ Не последнюю роль в этой эволюции сыграла

¹²⁵ Александр Блок: Pro et contra. С. 262, 263.

¹²⁶ О восприятии современниками поэмы «Двенадцать» см.: *Иванова Евг.* Александр Блок: Последние годы жизни. СПб.; М., 2012. С. 140–167.

¹²⁷ *Грякалова Н. Ю.* [Примечания] // Александр Блок: Pro et contra. С. 637.

«шифрованная поэзия» Александра Блока и стремление «разобраться» в нюансах его «импрессионистической лирики».

3

Первый обстоятельный фельетон Измайлова о Бальмонте появился в 1903 г. в «Новой иллюстрации» и был посвящен сборнику «Будем как Солнце» и творчеству поэта в целом. В этой статье критик признает несомненный поэтический талант автора «книги символов», говорит о нем, как о поэте «с редким запасом образов, новых, ярких и неожиданных, с даром музыкального слова, решительно устраняющим всякое соперничество с ним кого-либо из современных поэтов».¹²⁸ Измайлов отмечает, что бальмонтовский «стих приобрел удивительную мощь лаконизма, виртуозности и звучности. В лучших его произведениях, здоровых и трезвых, есть нечто — и многое — от силы и пламенности Лермонтова».¹²⁹

Позитивный настрой позволил рецензенту открыть для себя красоты символизма, но не впасть в слепое почитание нового направления. В фельетоне содержится значительное количество критических замечаний, основной претензией к автору является отсутствие смысла в произведении — обвинение, которое Измайлов предъявлял писателям-модернистам неоднократно.¹³⁰ В частности, отмечая в «новых вещах» поэта «отточенный до сверкания стали <...> стих, звенящий, переливающий, гневный или радостный», он полагает, что «все дальше и дальше от нас, трезвых людей, — отходят его [Бальмонта. — А. А., Э. А.] притяжения <...> В терцинах, замечательных по звучности и мягкости, он воспевал шабаши ведьм и свои нежные чувства к суккубам и инкубам, гениям сводни, змеям и дьяволам. Он писал огром-

¹²⁸ Измайлов А. А. Литературные заметки: В безднах декаданса: («Будем как Солнце», книга символов К. Д. Бальмонта) // Новая иллюстрация. 1903. № 27. С. 213.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Подробнее см. вступ. ст. к письмам А. А. Блока в изд.: А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 598—606.

ные поэмы, в которых нельзя было уловить смысла, кроме как в отдельных строках. Целые пьески, прекрасные по стиху, своеобразные по ритму, полные неожиданных и новых для нашего языка рифм и аллитераций, оказывались бессвязным набором слов».¹³¹

Говоря о взаимоотношениях Измайлова-критика с писателями-модернистами, нельзя обойти стороной необычайно популярные пародии литератора, собранные им впоследствии в книгах «Кривое зеркало» (выдержала до 1915 г. пять изданий) и «Осиновый кол» (1915). Здесь Измайлов проявил себя как весьма талантливый стихотворец и человек, тонко чувствующий ритмику стиха. Удалось литератору точно уловить интонацию и стиль З. Гиппиус, С. Городецкого, К. Бальмонта и других авторов. Современники Измайлова подчеркивали, что, в целом, его задача в пародировании современных ему писателей не столь уж сложна, т. к. поэты, избранные им, в большинстве случаев идут очень далеко в экстравагантности измышлений. Свое отношение к символистским поискам Бальмонта Измайлов считал возможным дополнить пародией, не лишенной «даже некоторого реального содержания», на стихотворение «Испанский цветок» («Я вижу Толедо...»):

Я плавал по Нилу,
Я видел Ирбит.
Верзилу Вавилу бревном придавило,
Вавила у виллы лежит.

¹³¹ *Измайлов А. А.* Литературные заметки: В безднах декаданса. С. 214. Ср. также рецензию на альманах «Северные цветы за 1903 г.», который Измайлов, в целом, высмеял как «пустопорожнее место», но выделил стихотворение В. Я. Брюсова «Habet illa in alvo» за глубину мысли, звучность стиха и смелость темы (*Измайлов А.* Литературные мелочи: «Северные цветы» // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1903. 25 авг. № 419. С. 2). Насмешливо-пародийный тон сменяется на серьезный и осмысленный в фельетоне, посвященном выходу сборника Брюсова «Urbi et orbi» (*Измайлов А. А.* Литературные заметки. [Новая более определенная фраза декаданства. — Книга стихов Валерия Брюсова. — «Urbi et orbi»] // Новая иллюстрация. 1903. № 47. С. 374).

Мне сладко блеск копий
И шлемов следить.
Слуга мой Прокопий про копи, про опий,
 Про кофий любил говорить.

Вознес свою длань я
В небесную высь.
Немые желанья пойми, о Маланья! —
 Не лань я, не вебрь и не рысь!..

О, щель Термопилы,
О, Леда, о, рок!
В перила вперила свой взор Неонила,
 Мандрила же рыла песок...¹³²

К 1905 году взгляды Измайлова на происходящие изменения в литературе принимают все более отчетливые очертания. В статье «Литературные заметки. О новом времени и новых песнях» критик заявлял: «Через несколько лет становилось совершенно ясно, о чем пророчествовали эти странности, и то, что они были только уродливыми первыми опытами, как бывают уродливы буквы начинающего писать. И теперь, когда линии установились, за декадентством нельзя отрицать известных и несомненных заслуг».¹³³ На протяжении долгих лет Измайлов следил за творчеством Бальмонта. В 1908 г. в целом отрицательно оценивая сборник «Зовы древности» (СПб., 1908), литератор называл автора «подлинно поэтической» душой.¹³⁴ В том же году в программной статье «На переломе. Литературные размышления» критик отнес Бальмонта к «крупным талантам»¹³⁵ и признал его большие заслуги в литературе.

¹³² Измайлов А. А. Литературные заметки: В безднах декаданса. С. 214.

¹³³ Измайлов А. А. Литературные заметки: О новом времени и новых песнях // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1905. 8 апр. № 8764. С. 2.

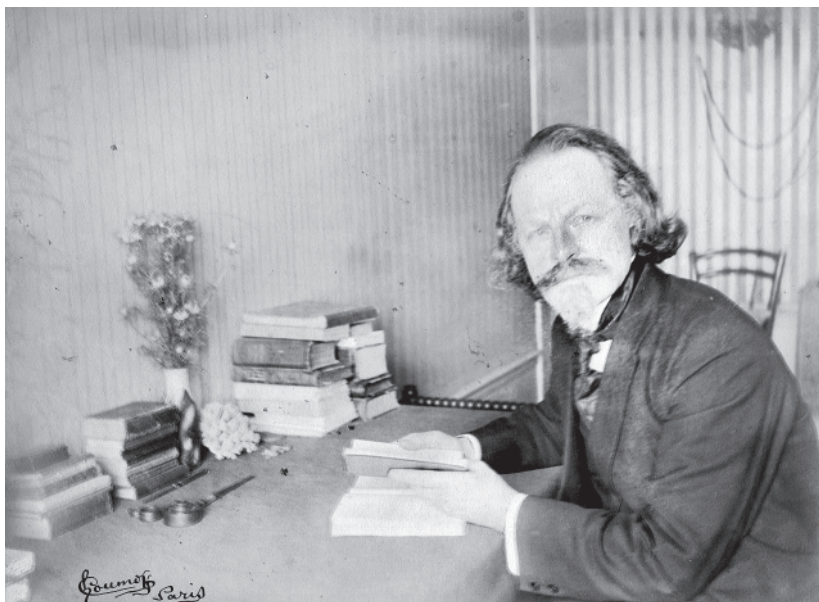
¹³⁴ См.: Измайлов А. А. Литературная пестрядь: (Заметки и впечатления) // Образование. 1908. № 8. Отд. 3. С. 7–17.

¹³⁵ См.: Измайлов А. А. На переломе: Литературные размышления. СПб., 1908. С. 56–57.

Если статьи Измайлова до 1910-х годов отличались порой резкостью оценок и нередко носили характер поспешного приговора, то теперь отличительной их чертой является уравновешенность, стремление понять те явления современной литературы, которые подчас не отвечали его эстетическим взглядам и пристрастиям. И хотя от категоричности суждений, а порой и убийственной иронии критик не смог отказаться, что противоречило бы его натуре, очевидно изменение его отношения к «новой литературе» и вовлечение в критико-аналитическую сферу ее сложнейшей проблематики. Это позволяет говорить об определенной линии эволюции. Наиболее обстоятельные статьи, посвященные «поэту с утренней душой», были написаны Измайловым в 1909—1913 гг. и позже вошли в его книги о современной литературе «Помрачение божков» и «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья».¹³⁶

Выступая со статьями о поэтах-символистах, автор отмечает характерные особенности направления: «психологичность» и тяготение к символу. Центр тяжести — в сюжете, а не в округленности психологического настроения, которое покрыло быт. Со стороны формы — легкость, воздушность, каких не знала старина. Стали тонкими, изящными формы новеллы, большие завоевания произошли в области ритма не только стиха, но и прозы. Эти особенности критик относит в первую очередь к таким пи-

¹³⁶ См.: Измайлов А. А.: 1) В литературном мире: [Пленная мысль в русском стихотворстве. — Скромность Бальмонта. — Литературное бильбоке. — Новая книга Андрея Белого] // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1909. 3 июня. № 11137. С. 2; 2) Хмель на руинах: (Новое и старое) // Измайлов А. А. Помрачение божков. С. 1—51; 3) В покинутой кумирне // Измайлов А. А. Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья. М. 1913. С. 73—86. Этот период деятельности будет оценен рецензентами так: «Критика А. Измайлова — типичная критическая работа уравновешенного и спокойного представителя “золотой середины”. В потоке новаторских литературных исканий и увлечений Измайлов постарался укорениться на некоем среднем месте, компромиссной позиции между новым и старым» (Ронин А. А. [Рец. на:] Измайлов. Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья. М., 1913 // Новый журнал для всех. 1913. № 4. С. 178).

К. Д. Бальмонт. Шумов.
Литературный музей ИРЛИ

сателям, как В. Брюсов, А. Блок, К. Бальмонт, определяя их поэзию как импрессионистическую лирику.¹³⁷ Характерной чертой измайловских фельетонов о модернистах является то, что творчество писателя он включает в определенную литературную традицию, опираясь в этом на высказывания самих поэтов о своем творчестве и на собственное художественное чутье. Подоб-

¹³⁷ Измайлов А. А. На переломе: (Литературные размышления) // Библиотека «Театра и искусства». 1908. № 1. С. 50. Если творчество Брюсова и Бальмонта критик принял практически сразу же после выхода первых сборников этих поэтов и уже в 1903 г. писал доброжелательные рецензии, то к творчеству А. Блока относился на протяжении долгого времени настороженно. Не принял Измайлов и драматические опыты поэта, написав на постановки «Балаганчика» и «Незнакомки» резкие отрицательные рецензии.

ный метатекстуальный подход, попытки найти диалогические связи новой поэзии с предшествующей литературной традицией, желание вписать того или иного автора в близкую и знакомую литературную эпоху обусловлены, с одной стороны, желанием понять поэзию «тайн, неведомого, несознанного», и с другой — помочь публике подняться на уровень автора произведения, разъяснить новые творческие интенции, эстетические принципы возникающего художественного направления.

Измайловское деление «новых веяний» в литературе было предельно условным и создано им в первую очередь для уяснения сути происходящих трансформаций. Выстроенная им система позволила в итоге оформить многочисленные разбросанные газетные и журнальные фельетоны в сборники, вышедшие отдельными книгами, — «Помрачение божков и новые кумиры» (1910), «Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья» (1913). Эти сборники нельзя рассматривать как простое переиздание ранее опубликованных статей. Его книги представляют собой концептуальное единство, синтез. Статьи, объединенные в книги, обнаруживают новые стороны, производят впечатление большей цельности, чем на газетной полосе или в журнале.

В письмах Бальмонта к Измайлову критические высказывания последнего не затрагивались: их эпистолярный диалог протекал в сугубо практической направленности.¹³⁸ В 1907—1909 гг. корреспонденты обсуждали насущные вопросы, связанные с изданиями собраний сочинений Г. Гауптмана¹³⁹ и К. Гамсуна.¹⁴⁰

¹³⁸ На сегодняшний день выявлены 15 писем Бальмонта к Измайлову — 11 из них сохранились в РО ИРЛИ (Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 24); 1 письмо — в РГАЛИ (Ф. 227. Оп. 3. Ед. хр. 3); еще 2 — в ОР РНБ (Ф. 309. Ед. хр. 2). Местонахождение писем Измайлова к Бальмонту неизвестно. Письма опубл.: А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 635—648.

¹³⁹ См.: Гауптман Г. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1908.

¹⁴⁰ См.: Гамсун К. Полн. собр. соч.: В 5 т. / С критико-биограф. очерком А. А. Измайлова и с прил. портр. К. Гамсуна. СПб.: Т-во А. Ф. Маркса, 1910.

В 1907 г. Измайлов стал секретарем затеянного в издательстве А. Ф. Маркса трехтомного собрания сочинений Герхарта Гауптмана как приложения к журналу «Нива»: он вступил в переговоры с переводчиками, вел переписку с авторами от имени издательства, написал небольшие предисловия-справки к крупным произведениям, вводя читателей в художественный мир немецкого драматурга.

В этом новом для себя качестве Измайлов в конце ноября 1907 г. обратился к Бальмонту с предложением об участии в проекте. Из Бельгии поэт откликнулся на предложение: «Я люблю Гауптмана и охотно возьмусь перевести несколько его вещей, но прозаических. А именно: мне хотелось бы перевести “Эльгу”,¹⁴¹ “Одиноких людей”,¹⁴² “Возчика Геншеля”.¹⁴³ Не отказался бы и от “Михаэля <так!> Крамера”.¹⁴⁴ Условия вознаграждения, пожалуйста, определите Вы сами, так как Ваше предложение отличается от обычных (Вы приобретаете право на работу, связанную с моим именем, навовсе). Корректуры я всегда держу сам (от двух до трех, в зависимости от аккуратности типографии), и не задерживаю их».¹⁴⁵

Бальмонт оперативно принялся за работу и уже 16 января 1908 г. отправил в редакцию перевод «Михаэля Крамера», который он выполнил в соавторстве с Екатериной Алексеевной Бальмонт (урожд. Андреевой). Соавторство Андреевой послужило причиной некоторого неудовольствия со стороны редакции, ко-

¹⁴¹ «Эльга» (постановка 1905 г.) — драматические сцены в 6-ти картинах, перевод выполнил Бальмонт в соавторстве с Е. А. Андреевой (см.: *Гауптман Г.* Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1908. Т. III. С. 235—279).

¹⁴² «Одинокие» (вариант перевода названия: «Одинокие люди», 1891) — драма в 5-ти действиях; перевод пьесы Гауптмана выполнил В. М. Саблин.

¹⁴³ «Возчик Геншель» (1898) — драма в 5-ти действиях; перевод пьесы выполнил А. М. Федоров.

¹⁴⁴ «Михаэль Крамер» (1900) — драма в 4-х действиях; пьеса переведена Бальмонтом в соавторстве с Е. А. Андреевой (см.: *Гауптман Г.* Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1908. Т. II. С. 219—278).

¹⁴⁵ А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 635.

торая, по всей видимости, первоначально не была настроена помещать ее имя под переводом. 30 апреля 1908 г. Бальмонт, перечисляя прежние переводческие заслуги супруги, с обидой писал Измайлову: «Относительно имени Ек<атерины> Андреевой, с которой я делал перевод Гауптмана и Зудермана для Скирмунта¹⁴⁶ и которая есть переводчица Мутера¹⁴⁷ и Уайльда,¹⁴⁸ просьба редакции мне, простите, кажется изумительной. Вы, конечно, понимаете — и мне не нужно повторять, — что я настаиваю на этом имени не потому, что Ек<атерина> Андреева как-н<и>б<удь> со мною связана, а потому, что это весьма ценное переводческое имя. Если, однако, мои слова неубедительны, — Вы ведь *меня* приглашали переводить Гауптмана, а *не меня и ее*. Право внешнее за Вами. Обиды не будет. Но несправедливость мне кажется очевидной. Повторяю: как хотите».¹⁴⁹

Колебания редакции объясняются различным авторитетом переводчиков, заявленных в анонсе издания и на деле участвующих в проекте, однако просьба указать имя Е. А. Андреевой издательством А. Ф. Маркса была выполнена.¹⁵⁰ Обида чувствует-

¹⁴⁶ Имеется в виду: *Гауптман Г.* Собр. соч.: В 3 т. / Пер. с нем. под ред. К. Д. Бальмонта. М.: С. Скирмунт, 1902; *Зудерман Г.* Собр. драматич. соч.: В 2 т. / Пер. под ред. К. Д. Бальмонта. М.: С. Скирмунт, 1901. Е. А. Бальмонт был сделан перевод драмы Г. Зудермана «Гибель Содома». С. А. Скирмунт — издатель и книготорговец.

¹⁴⁷ Подразумевается совместная работа над изданием: *Мутер Р.* История живописи: В 3 т. / Пер. с нем. под ред. К. Бальмонта. СПб.: Т-во «Знание», 1901—1904. Соредактором в части тиража также указан А. Бенуа.

¹⁴⁸ См.: *Уайльд О.* Саломея: Драма в 1 д. / Пер. с фр. оригинала К. Д. Бальмонта и Ек. Андреевой. СПб.: Сириус, 1908. 131 с.

¹⁴⁹ А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 638.

¹⁵⁰ Так, например, имя Любви Дмитриевны Блок, выполнившей переводы рассказов «Рабы любви», «Победитель», «Отец и сын», «Голос жизни» для четвертого тома собрания сочинений Гамсуна изд. «Нива», не упомянуто. В качестве переводчика указан Александр Блок, который в связи со смертью отца и последующей болезнью не мог выполнить заказ издательства и перепоручил его супруге. Ср. его письмо Измайлову от 21 декабря 1909 г.: «Дела с Гамсуном обстоят так: во время моего отсутствия рассказы переводила моя жена, они почти готовы, но я еще

ся и в последнем пассаже бальмонтовского письма, когда поэт по поводу своих стихов, опоздавших для пасхального номера «Биржевых ведомостей», пишет: «Со стихами, посланными мною в “Бирж<евые> вед<омости>” и пришедшими туда несвоевременно, делайте, что хотите. Мне всё равно. Бросьте в камин, например».¹⁵¹

В 1907–1909 гг. в издательстве А. Ф. Маркса было предпринято издание пятитомного собрания сочинений Кнута Гамсуна в связи с приближавшимся 50-летним юбилеем писателя (книги выпускались как приложение к «Ниве»); Измайлову вновь было предложено стать секретарем редколлегии. Для этого проекта Александр Алексеевич в соавторстве с М. П. Благовещенской подготовил критико-биографический очерк о норвежском драматурге.¹⁵² В октябре 1909 г. критик обратился к Бальмонту с предложением о сотрудничестве. Из Лондона поэт живо откликнулся и готов был подготовить целый корпус объемных текстов: «...меня очень радует Ваше предложение. Я сроднился с творчеством Гамсуна и охотно возьмусь перевести несколько его вещей. <...> Прошу обратить внимание на то, что я перевожу Гамсуна с норвежского и что воссоздание его творчества значительно труднее, чем переводы вещей Гауптмана. Вот вещи, которые я просил бы оставить за мной, если они еще не отданы никому. Настаиваю (если возможно именно на них).

*1. Виктория. (Уже наполовину готова).

не успел их прочесть и проверить перевод. Позвольте, поэтому, предложить Вам следующее: если я найду перевод удачным, или предложить его Вам с именем жены, или с подписью: “под редакцией А. Блока”; или, наконец, с моей подписью; во всех случаях я проредактирую текст, но, если только возможно, дайте мне отсрочку» (А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 608).

¹⁵¹ А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 639. Стихотворение было напечатано позже в приложении к газете; см.: *Бальмонт К.* Из Гейне («Твои белые лилии-пальцы...») // *Огонек.* 1908. 8 июня. № 23. С. 10.

¹⁵² См. об этом: А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 617–629.

*2. Съеста. (Могу приготовить очень быстро).

3. Игра жизни. (Драма). (Также).

*4. Пан.

5. Новь.

6. Мистерии. (Одну из этих двух, безразлично какую).

Вещи, отмеченные звездочками, я люблю более всего из творчества Гамсуна и мысленно жил с ними несколько лет.¹⁵³ Однако в этом собрании Бальмонту отводилась более скромная роль: для перевода поэту было предложено лишь несколько рассказов из книги Гамсуна «Сиеста» (1897) — тексты вошли в четвертый том собрания сочинений. Выбор переводчика для романа «Виктория» (1898) был сделан не в пользу громких имен.¹⁵⁴

Шестилетний перерыв в переписке литераторов привел к утрате былых связей, так что когда весной 1915 г. Измайлов попросил дать стихи для пасхального номера и более активно сотрудничать в «Биржевых ведомостях», Константин Дмитриевич даже не мог вспомнить имени и отчества своего давнего корреспондента. Примечательно, что именно в это период Измайлов возобновил эпистолярные контакты с другим ярким представителем символизма. С весны 1915 г. в «Биржевых ведомостях» начал активно печататься В. Я. Брюсов, в это период выполняющий роль неофициального военного корреспондента «Русских ведомостей» в прифронтовой зоне. Удаленность от столицы, материальные трудности — всё это способствовало интенсивному сотрудничеству Брюсова в «Биржевых ведомостях», «Огоньке», «Новом слове» через посредство Александра Алексеевича.¹⁵⁵ Возобновление сотрудничества Бальмонта с «Бирже-

¹⁵³ А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 639—640.

¹⁵⁴ На эту работу претендовал и А. Блок. См. об этом: Там же. С. 607. Текст был подготовлен ныне забытой переводчицей А. А. Соколовой, которая также перевела для издания повесть «Под осенней звездой» (1906), роман «Роза» (1908) и целый ряд рассказов для пятого тома. См. об этом: Александров А. С. «Вы имеете полное право переводить все, что только пожелаете...»: (Кнут Гамсун в переводах русских писателей) // Россия и Скандинавия: Литературные взаимодействия на рубеже XIX—XX вв. М., 2017. С. 207—216.

выми ведомостями» в 1915 году позволило также привлечь к участию в газете М. Волошина, который в это время гостил у него Париже. За год (с апреля 1915 по апрель 1916, до тех пор, пока Измайлов возглавлял литературный отдел «Биржевых ведомостей») на страницах газеты и ее приложений появилось более трех десятков произведений Бальмонта (большинство стихотворений вошло в сборник «Ясень»).¹⁵⁶

Широкий круг знакомств в литературно-художественной среде, активная переписка позволили Измайлову проявить себя в особом для журналистики жанре — интервью. Отметим, что интервью начала XX века не ограничивалось исключительно беседой журналиста и интервьюируемого. В нем содержались элементы аналитики и образности: портретные зарисовки, описание внешности, быта и т. д. Не случайно книгу «Литературный Олимп», в которой были собраны многочисленные газетные ин-

¹⁵⁵ По всей видимости, возобновление эпистолярного контакта с Брюсовым было частью редакторской политики «Биржевых ведомостей». В это время в газетах произошла естественная смена акцентов с одних материалов на другие. Издатели почувствовали необычайный интерес читателя к материалам на военную тему, корреспонденты отправлялись на фронт для репортажей. Об эволюции взаимоотношений Измайлова и Брюсова см. первый параграф настоящей главы. См. также: *Александрова Э. К.* К истории взаимоотношений А. А. Измайлова и В. Я. Брюсова: (По материалам переписки 1909—1917 гг.) // *Reosiahag: Journal of Institute for Russian and Altaic Studies / Chungbuk National University*. 2017. № 2. С. 203—228; А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 132—233; *Александрова Э. К., Александров А. С.* «...Доставить минуту доброго настроения в реванш прежних огорчений» (А. А. Измайлов и В. Я. Брюсов: По архивным материалам) // *Брюсовские чтения 2016 г.: Сборник статей*. Ереван, 2017. С. 136—148.

¹⁵⁶ См. по указателю: Библиография К. Д. Бальмонта. Т. 1: Произведения поэта на русском языке, изданные в России, СССР и Российской Федерации (1885—2005 гг.) / Под общ. ред. С. Н. Тяпкова. Иваново, 2006. 488 с.; *Азадовский К. М.* Дополнения к «Библиографии К. Д. Бальмонта» // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 89. [Эл. версия журнала]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/asa31-pr.html>. Дата обращения. 2.11.2017.

тервью, Измайлов снабдил подзаголовком: «Характеристики, встречи, портреты, автографы». Статьи, написанные в жанре интервью, сам автор называл «беллетристическими репортажами».

В начале лета 1915 г. состоялось личное знакомство Измайлова и Бальмонта, о нем последний упоминает в письме от 20 июня 1915 г. По-видимому, результаты этой беседы, состоявшейся в «Северной гостинице», изложены корреспондентом в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» от 28 мая.¹⁵⁷ Поэт поделился с корреспондентом своими впечатлениями о жизни во Франции, восприятием войны, творческими планами: «На чужбине я жил напряженной внутренней жизнью и за зиму написал новый том стихов. Я чувствовал себя сосредоточенным, как бы замкнутым в башне. Мои литературные знакомые находят, что этот том совершенно нов по построению. В прямом смысле война вошла сюда незначительными элементами <...> Я назову книгу “Ясень. Видение Древа”. По значительности она мне кажется идущей за моей книгой “Будем как Солнце”. Личного стихотворения здесь нет ни одного».¹⁵⁸ Во время этого свидания речь шла также о возможной публикации собрания сочинений Бальмонта в виде приложения к журналу «Нива». В письме от 20 июня поэт просил содействия Измайлова как секретаря издательства в продвижении проекта. Однако издание не было осуществлено. По-видимому, личные встречи продолжились и после.¹⁵⁹

¹⁵⁷ См.: [Б. п.]. У К. Д. Бальмонта // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1915. 28 мая. № 14869. С. 5. Статья без подписи, помещена под рубрикой «В литературном мире» (автором которой часто выступал критик), что наряду с письмом Бальмонта от 20 июня 1915 г. (ср.: «Если бы Вы, Александр Алексеевич, отнесясь ко мне при нашей встрече с такой искренностью...» — А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 642), позволяет с большой долей уверенности предполагать, что интервьюером выступил Измайлов.

¹⁵⁸ [Б. п.]. У К. Д. Бальмонта.

¹⁵⁹ Так в письме от 4 декабря Бальмонт приглашает Измайлова: «Хочется свидеться с Вами. Каждый четверг меня наверно можно застать от 4-х

Май и начало июня 1915 г. прошли для поэта под знаком опасной болезни Е. К. Цветковской, которая по дороге из Франции в Россию заболела крупозным воспалением легких: «...все эти три недели я просидел в Москве, ведя вместе с докторами борьбу со смертью»,¹⁶⁰ — так объяснял он задержку обещанных для газеты материалов. 24 июня из деревни Ладыжино близ Тарусы, где Бальмонт провел лето и начало сентября 1915 г., он делился с петроградским адресатом своими впечатлениями: «Места очень красивы. Ока, луга, леса, рожь в человеческий рост и выше. Но как всегда, вначале, после юга и океана, сердце здесь сжимается. Много слез в нашей красоте».¹⁶¹

В конце сентября из Петербурга Бальмонт отправился в свою первую большую поездку по России. Первым пунктом назначения стали кавказские города Тифлис и Кутаис. Оттуда на русский север — Вологда, Ярославль, Пенза, Саратов, Пермь. 2 ноября 1915 г. он писал Измайлову: «Я в колесе вращающемся весьма быстро. Посему до Саратова от града Невы лишь хотел написать Вам, и не мог. Шлю 5 сонетов пока.¹⁶² Из Самары или Уфы, куда сегодня уезжаю, напишу Вам о своих впечатлениях от поездки (Тифлис, Кутаис, Вологда, Казань, Саратов — города,

до 7-ми. Но и в другие дни я всегда буду Вам рад» (А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 647).

¹⁶⁰ А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 642.

¹⁶¹ Там же. С. 643.

¹⁶² По-видимому, речь идет о цикле сонетов «Лунный обелиск». В НИОР РГБ сохранилась машинопись цикла, которая включает четыре сонета: «Обелиск» («Когда и шум, и рев, и вой, и крик, и писк...»), «Владычица» («Владычица великой тишины...»), «Встреча» («Она приподнялась с своей постели...»), «Успокоенная» («Ненарушимые положены покровы...») (Ф. 374. Карт. 1. Ед. хр. 14. Л. 1—4). Очевидно, тексты были предоставлены для печати, и Измайлов в следующем письме просил разрешения разбить цикл на несколько частей для удобства помещения в газете. Автор не дал согласия, подчеркнув в письме от 4 декабря: «Р. С. Сонеты “Лунный обелиск” неразъединимы» (А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 647), — произведение не было опубликовано в «Биржевых ведомостях».

меня не только приветствовавшие шумно, но частью прямо венчавшие). В декабре вернусь в Питер».¹⁶³

В начале декабря поэт послал в редакцию несколько текстов, которые впоследствии планировал поместить в сборнике «Ясень».¹⁶⁴ Он несколько раз обязался предоставить прозаические тексты для публикации в «Биржевых ведомостях»: «На ближайшей неделе начну доставлять Вам маленькие, совсем маленькие рассказы — о моем путешествии по России, и что-то о Войне, что-то о нетленном». Обещания были исполнены уже при новом руководителе литературного отдела газеты — А. Л. Волынском. В начале 1916 г. Измайлов, после долгих колебаний, принял решение возглавить редакцию «Петроградского листка» и уйти из «Биржевых ведомостей». Показательно, что многие авторы, приглашенные некогда литератором к сотрудничеству в «Биржевых ведомостях», были обескуражены этим известием и обращались к Измайлову за разъяснениями.

После ухода Александра Алексеевича из газеты Бальмонт продолжил участие в петербургском издании, публиковал стихи, путевые очерки о Японии, статьи, переводы, рассказ.¹⁶⁵ Измайлов же задумав реформировать газету, старался привлечь к сотрудничеству в «Петроградском листке» известных литераторов и общественных деятелей. По-видимому, он обращался

¹⁶³ А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 645. Подробнее о поездке Бальмонта см.: *Азадовский К. М., Дьяконова Е. М.* Бальмонт и Япония. М., 1991. С. 32.

¹⁶⁴ См. по указателю: Библиография К. Д. Бальмонта; *Азадовский К. М.* Дополнения к «Библиографии К. Д. Бальмонта».

¹⁶⁵ В этот период вплоть до закрытия в 1917 г. он поместил в газете более тридцати произведений, многие из которых вошли в книги «Ясень» и «Сонеты Солнца, Мёда и Луны». Подробнее см. по указателю: Библиография К. Д. Бальмонта; *Азадовский К. М.* Дополнения к «Библиографии К. Д. Бальмонта». По-видимому, подробности дальнейшего сотрудничества поэта с «Биржевыми ведомостями» отражены в переписке с новым заведующим литературным и библиографическим отделом газеты А. Л. Волинским. Местонахождение корреспонденций этого периода неизвестно.

с предложением о сотрудничестве и к Бальмонту, однако следов участия поэта в издании не обнаружено.

4

Писателем, творчество которого было признано Измайловым не сразу и не целиком, был ярчайший представитель русского символизма — Вячеслав Иванов (1866—1949), к творчеству которого литератор неоднократно обращался в критических разборах.

Архив Измайлова, хранящийся в Рукописном Отделе Пушкинского Дома, не содержит материалов, документирующих личные отношения критика и поэта. В нем нет следов корреспонденции между Измайловым и Вяч. Ивановым, которой, скорее всего, и не было. Это весьма показательно, ибо со многими представителями модернизма, такими как Ф. Сологуб, А. Блок, В. Брюсов, А. Ремизов, К. Д. Бальмонт и др. Измайлов поддерживал многолетнюю переписку. Все же можно с уверенностью утверждать, что Измайлов и Вяч. Иванов были знакомы. Они оба посещали литературные журфиксы на квартире В. В. Розанова, заседания Санкт-Петербургского литературного общества и вечера Случевского.¹⁶⁶ Измайлова и Вяч. Иванова Ф. Ф. Фидлер видел 11 марта 1906 года на вечере поэтов у В. П. Авенариуса.¹⁶⁷

Первой критической статьей Измайлова, посвященной Вяч. Иванову, была развернутая рецензия «Непомерные претензии» на сборник «Кормчие звезды», опубликованная в 1903 году в «Новой иллюстрации».¹⁶⁸

¹⁶⁶ Подробнее о посещении Измайловым и Вяч. Ивановым литературных журфиксов и вечеров см. в книге: Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 годов. М., 2004 (по указат.).

¹⁶⁷ Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов / Сост. К. М. Азадовский. М., 2008. С. 432—433.

¹⁶⁸ Название статьи относится к двум сборникам — книге лирики «Кормчие звезды» Вяч. Иванова (№ 6) и 2-му тому «Стихотворений» И. Руквишниковой (№ 8) (Измайлов А. 1) Непомерные претензии // Новая иллюстрация. 1903. № 6. С. 47; 2) Там же. № 8. С. 61—63).

В ней с одной стороны, есть суждения достаточно лестные, с другой — не обошлось и без критических реплик. В этой статье нет обвинения «взрослых людей» в «гримасничанье и кокетничанье», в «декадентских кривляньях»,¹⁶⁹ напротив, критик признает в Вяч. Иванове и И. Рукавишникове литературное «дарование».¹⁷⁰ При этом Измайлов сразу же оговаривается и отмечает искусственность поэзии Вяч. Иванова, заключающейся, по его мнению, в «тяготении к исключительности», в «экстатически-созерцательном свойстве» его лирики. В рецензии на сборник Вяч. Иванова отмечает отсутствие привычных и обычных «лирических излиятий»: «Он не спускается со своих высот до тех милых мелочей, которыми живет большинство поэтов, до воспевания любимой женщины, ее ласк, дум, внушаемых ею, до изображения своей тоски или радости, хотя бы и возникающих на другом фоне».¹⁷¹ Все эти реплики характерны для высказываний о поэте в газетной и журнальной критике этого периода.¹⁷²

В своей рецензии Измайлов акцентирует внимание на обращенности Вяч. Иванова к старине. В этой обращенности критик видит как положительные стороны, так и отрицательные. Измайлов отмечает некоторую искусственность в подобных «очарованиях стариной», но не отрицает такую лирику полностью. «Классически-архаическим стилем, — пишет Измайлов, — отмечена огромная часть стихотворных созерцаний Иванова. Менады, Дионис, Нереиды, Афродита, <...> Сивиллы — пестрят строки его стихов. <...> Его “Laeta”, оригинальные письма из

¹⁶⁹ См. статьи критика за 1902 год: *Измайлов А. А.* 1) Литература. «Северные цветы на 1902-й год» // Биржевые ведомости. 1902. 22 июня. № 167. С. 3; 2) Литература. «Северные цветы на 1902-й год» // Там же. 28 июня. № 173. С. 3.

¹⁷⁰ *Измайлов А.* Непомерные претензии // Новая иллюстрация. 1903. № 6. С. 47.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Таковы, например, отзывы П. И. Вейнберга и Пл. Краснова (см. о них статью: *Басаргина Е. Ю.* Вячеслав Иванов — соискатель Пушкинской премии // Вяч. Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский. СПб., 2010. С. 430—447).

Рима в манере овидиевых “Tristia”, полны прелести, которая не позволит скоро оторваться от них классику. Здесь превосходно схвачен дух римской элегии и эпистолы, и перемежающийся с пентаметром гекзаметр выточен до майковской красоты и музыкальности». ¹⁷³

Мысль об обращенности Вяч. Иванова к старине Измайлов будет развивать в рецензии 1907 года, посвященной выходу сборника стихотворений «Эрос», опубликованной в «Биржевых ведомостях» в рубрике «Литературные заметки» — «Новые нравы в литературе. Новое стихотворство. Вячеслав Иванов и его неоархаизм. “Эрос”». ¹⁷⁴

В рецензии на этот сборник Измайлов впервые относит творчество поэта к неоархаизму (определение, которое вполне адекватно отражало эстетические установки и литературную стратегию рецензируемого автора). К подобным выводам Измайлов смог прийти, не только основываясь на сборнике «Эрос», вспомнил критик и предыдущие поэтические книги Вяч. Иванова, высоко оценив первые из них — «Кормчие звезды» и «Прозрачность». Стихотворения этих сборников Измайлов рассматривал, как «какие-то торжественные думы, все больше на темы о премирном, о солнце и созвездиях, о Космосе и т. д.», ¹⁷⁵ определил как «лирику, переливающуюся в оду». ¹⁷⁶

¹⁷³ Измайлов А. Непомерные претензии // Новая иллюстрация. 1903. № 6. С. 47.

¹⁷⁴ Измайлов А. А. Литературные заметки. [Новые нравы в литературе. — Новое стихотворство. — Вяч. Иванов и его неоархаизм. — «Эрос»] // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1907. 9 июня. № 9937. С. 2. В форме обзора выход сборника Вяч. Иванова «Эрос» отмечен также в рецензии Измайлова в «Русском слове». См.: Измайлов А. А. Литературные беседы. Последние моды в литературе. — Спор старого и нового. Реальная проза и полудремотные настроения. — «Нечаянная радость» А. Блока. — Неоархаизм, Державин, Вячеслав Иванов и Вильгельм Кюхельбекер // Русское слово. 1907. 15 мая. № 110. С. 2.

¹⁷⁵ Измайлов А. А. Литературные заметки. [Новые нравы в литературе. — Новое стихотворство. — Вяч. Иванов и его неоархаизм. — «Эрос»] // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1907. 9 июня. № 9937. С. 2.

¹⁷⁶ Там же.

Начинается статья с рассуждения о произошедших в литературе изменениях. Далее критик переходит к фигуре Вяч. Иванова, не без иронии замечая то, что тот «уже глава школы и maître, о котором говорят: “ipse dixit”» и «за ним уже определяются те ни еще, кажется, ничего не написавших, но уже великих Потемкиных и ему подобных».¹⁷⁷

В своей статье Измайлов сосредотачивается на рецензируемом сборнике: цитирует стихотворения, отмечает поэтические особенности произведений (звуковая сторона, музыкальность стихотворений): «Музыкальны его стихи порою положительно на редкость. Это не стихи, а сама музыка. После Иванова некоторым нашим поэтам приготовительного класса надо прямо бросить свои грифельные доски и изгрызенные карандашики и оставить свои стихотворные лаптеплетения».¹⁷⁸

Критический фельетон, посвященный сборнику «Эрос», Измайлов дополнил двумя пародиями,¹⁷⁹ которые потом поместил в свой знаменитый сборник «Кривое зеркало». Одна из пародий была опубликована сразу же после появления фельетона в «Биржевых ведомостях» и являлась, по сути, дополнением

¹⁷⁷ Измайлов А. А. Литературные заметки. [Новые нравы в литературе. — Новое стихотворство. — Вяч. Иванов и его неоархаизм. — «Эрос»] // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1907. 9 июня. № 9937. С. 2.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Измайлов А. 1) «Шаржи и пародии» // Биржевые ведомости. 1907. Утр. вып. 19 авг. № 10055. С. 2. 2) Вячеслав Иванов // Свободные мысли. 1907. № 2. 28 мая. С. 3. В более поздней статье Измайлов объяснил, почему возможно появление пародий на Вяч. Иванова: «К сожалению, Иванов еще очень часто говорит на языке, который не вполне доступен, иногда совсем недоступен современности. Его стихи часто темны до полной невразумительности. Потому так часто он дает пищу пародии. Потому на “властительство дум” он может претендовать только в маленьком кружке специалистов-ценителей, а не в обширной области интеллигентных читателей» (Измайлов А. А. Молодые побеги // Новое слово. 1909. № 2. С. 124). О пародиях А. А. Измайлова см. подробнее: Тяпков С. Н. Русские символисты в литературных пародиях современников. Иваново, 1980. С. 7; Новиков В. Л. Александр Измайлов // Книга о пародии. М., 1989. С. 410—416.

статьи. В ее основу легли мотивы из стихотворений сборника Вяч. Иванова «Эрос».

Вячеслав Иванов

Эрота выпренных и стремных крыльях
на,
От мирных пущ в волшбе мечты
лечу далече.
Чувств пламных посреди горю, как,
купина,
С тобой — безликой алчу встречи.

* * *

Виуюся в кольцах корч, желанием
пронзен.
Змий, жду тебя, змею, одре на одиноком.
Струится нарда вонь, и ладан смольн
возжен,
Меня коснися змеиным боком!

* * *

Одре сем на позволь, прелестница, и
впредь
Мне уст зной осязать и пышну персей
внятность.
Пиит истомных “сред”, воздам я мзду
и Тредь-
Яковского стихом твою вспою приятность...¹⁸⁰

¹⁸⁰ Измайлов А. «Шаржи и пародии» // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1907. 19 авг. № 10055. С. 2. При всей своей оригинальности пародия Измайлова была написана в русле подобных произведений. Как отмечает Г. В. Обатнин: «Все пародии на Иванова концентрировались на особенностях его поэтического стиля» (См.: Обатнин Г. В. «Восьмидесятники» и «побережное поколение» 1914 года) // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009. С. 467–469). Известна еще одна, относящаяся к более позднему времени, пародия

Значительно углубляется Измайлов в теоретическое осмысление современной литературы в статье 1908 года «На переломе (Литературные размышления)», в которой немало страниц отведено и произведениям Вяч. Иванова. Эта статья в значительной степени посвящена писателям-стилизаторам, в произведениях которых критик видит попытку установления диалога различных литературных эпох. Здесь критик вновь употребляет термин «неоархаизм», или «нео-архаизм», применяя его не только к творчеству Вяч. Иванова, но и к произведениям таких авторов, как А. Ремизов («Лимонарь»), Ауслендер («Золотые яблоки»), В. Брюсов («Огненный Ангел»). О Вяч. Иванове в этой статье критик, в частности, писал: «Вячеслав Иванов очень образованный человек и искусный ритор. У него есть стихи редкой музыкальности, пластичности и стильной красоты <...>. Он поддался очарованию <...> архаической красоты <...>. И он поставил своей писательской целью возродить эту уже умершую, угасшую, переставшую пленять всех красоту старины».¹⁸¹

Мысль о диалоге различных литературных эпох в иронической форме находит свое развитие в аналитической статье 1909 года «Молодые побеги. (Поэзия новых дней. Вячеслав Иванов, Сергей Городецкий, И. Рукавишников)», опубликованной в журнале «Новое слово»¹⁸² и газете «Биржевые ведомости».¹⁸³

«Пол и потолок» на Вяч. Иванова (См.: *Измайлов А. А.* Осинский кол. Книга пародий и шаржа (2-ой томик «Кривого Зеркала»). Пг. 1915. С. 91).

¹⁸¹ *Измайлов А. А.* На переломе (Литературные размышления) // Библиотека «Театра и искусства». 1908. № 1. С. 35–36.

¹⁸² *Измайлов А. А.* Молодые побеги. Поэзия новых дней. — Вячеслав Иванов, Сергей Городецкий, И. Рукавишников // Новое слово. 1909. № 2. С. 120–124.

¹⁸³ См.: *Измайлов А. А.* 1) Молодые побеги. Поэзия новых дней. Вячеслав Иванов, Сергей Городецкий, И. Рукавишников // Биржевые ведомости. 1909. Утр. вып. № 10947. 7 февр. № 10947. С. 2; 2) Там же. Утр. вып. 1909. 8 февр. № 10949. С. 2; 3) Там же. Утр. вып. 1909. 10 февр. № 10951. С. 2.

В этой статье не без сарказма критик предлагает читателю прочитать стихотворения Державина, Ломоносова и Вяч. Иванова, и угадать среди стихотворений перечисленных авторов произведение Вяч. Иванова.

Статья содержит не только злую иронию по отношению к поэзии Вяч. Иванова, но и признание «серьезности» поэзии: «Есть нечто вещее в облике Иванова, нечто от древнего понятия поэта, как пророка, вates, прорицателя, прозорливца. Нельзя сомневаться, что мир стихий, тайна неба, тайна Бога уязвила его, и его постоянное обращение к своим темам не насильственно и не наигранно».¹⁸⁴

Итогом теоретического осмысления модернистской литературы в критическом наследии Измайлова стал сборник статей «Помрачение божков и новые кумиры» (1910), где выделенные им направления модернизма он сводит воедино. «Нео-архаизму», направлению, лидером которого, по мнению Измайлова, являлся Вяч. Иванов, посвящена третья глава сборника — «Лавочка антиквария (Нео-архаисты и стилизаторы)». Этот сборник составлялся из газетных и отчасти журнальных статей Измайлова. В основу главы, в которой говорится об Вяч. Иванове, легли упомянутые выше статьи 1907, 1908 и 1909 года, которые были незначительно дополнены и переработаны.

В этой работе критик настойчиво повторяет мысль об «очаровании» автора стариной, вписывает поэта в контекст модернистской литературы, сравнивает стихотворения Вяч. Иванова с «державинской одой», отмечает обращенность поэта «к пиндарическому парению, к заржавевшим железным словам, какими звенел певец Филицы».¹⁸⁵

Отметим, что Измайлов в этой статье акцентировал внимание на увлеченности Вяч. Иванова «архаической красотой», подчеркивая ее искусственность. «Жемчужины» в старине следовало бы искать, по мнению критика, в народно-поэтической

¹⁸⁴ Измайлов А. А. Молодые побеги. Поэзия новых дней. — Вячеслав Иванов, Сергей Городецкий, И. Рукавишников // Новое слово. 1909. № 2. С. 124.

¹⁸⁵ Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры. М. 1910. С. 75.

традиции. В этом плане идеалом для Измайлова всегда был Н. С. Лесков, в «византийских легендах» которого, в частности, критик видел «живые и благоухавшие цветы народной фантазии».¹⁸⁶ Критик, рассуждая о стилизациях Кузмина, прямо поставит в пример представителям современного неоархаизма стилизации Лескова.

В статье Измайлов вновь обращается к внешней стороне стихотворного творчества: пишет о звуковой стороне поэзии Вяч. Иванова, указывает на музыкальность лирики, отмечая «очаровательную красоту звука». Но при этом обращает внимание и на содержательную сторону поэзии, отмечая однобокость заслуги Вяч. Иванова, «шлифовальщика русского стиха, не сочетавшего красоты внешней с красотой внутренней».¹⁸⁷

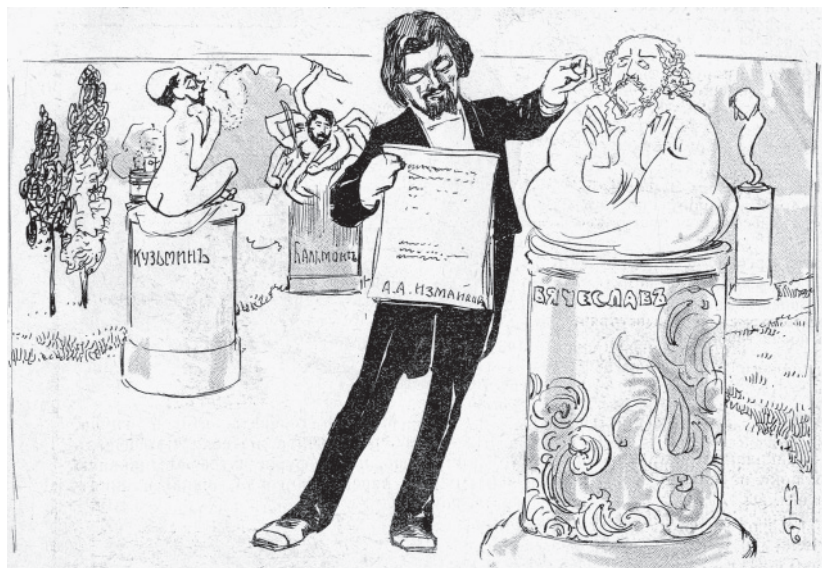
Статья в сборнике «Помрачение божков и новые кумиры» являлась, по сути, рубежной и итоговой: в ней делались выводы теоретического плана (осмысление нового направления в модернистской литературе), представлен критический обзор всех вышедших на тот момент поэтических сборников Вяч. Иванова, дана оценка творчеству.

После выхода этого сборника некоторое время концептуальных статей, посвященных поэзии Вяч. Иванова, из-под пера критика не появлялось. Лишь в августе 1909 года вышла заметка в «Биржевых ведомостях» о сборнике «По звездам», а в 1911 году имя Вяч. Иванова возникло в обзоре новых книг в «Русском слове» в связи с выходом сборника «*Cor ardens*», а также критическая заметка на выход перевода «Франческа да Римини» трагедии в пяти действиях итальянского поэта и драматурга Габриэле д'Аннунцио (1863–1938) в переводе «размерами подлинника» Валерия Брюсова и Вячеслава Иванова.¹⁸⁸

¹⁸⁶ См.: Измайлов А. Лесков и его время / Подгот. текста О. Л. Фетисенко и А. С. Александрова // Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении. СПб., 2011. С. 419.

¹⁸⁷ Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры. С. 81.

¹⁸⁸ Об этой работе подробнее в статье: Александров А. С. К истории подготовки перевода трагедии «Франческа да Римини» Габриэле д'Аннунцио Вяч. Ивановым и В. Брюсовым // Филологические науки. 2016. № 6. С. 53–60.

Шарж к лекции А. А. Измайлова «Помрачение божков».
«Шут». 1909. № 17

В рецензии на сборник «По звездам» Измайлов отмечает, что перед читателем «на этот раз <...> не стихи, а свод критических статей и эстетических размышлений на самые современные темы, которыми живут верхи интеллигенции европейской и русской».¹⁸⁹ Немало прославительных слов высказал литератор в адрес поэта. Критические же ноты в его заметке относятся в первую очередь к языку и стилю статей Вяч. Иванова, которые Измайлов находит «типично-профессорскими».

Менее обстоятельная заметка из «Русского слова», посвященная выходу книги Вяч. Иванова «Cor ardens». В двух абзацах Измайлов пытается рассказать о сборнике. Критик пишет: «Державин, Ломоносов по-прежнему воскрешаются Ивановым.

¹⁸⁹ Аякс [А. А. Измайлов]. В литературном мире. «По звездам» — Вячеслава Иванова // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 20 авг. №11270. С. 3.

Стих его иногда — живая музыка. <...> Иногда это всего только воскресший Тредьяковский». ¹⁹⁰ В этом же обзоре книжных новинок упоминается имя Вяч. Иванова в связи с публикацией большого тома стихов «Антология», объединившего таких авторов, как А. Блок, С. Городецкий, М. Волошин, Н. Гумилев, Андрей Белый, М. Кузмин и др.

В августе 1911 года в «Новом слове» появилась и статья о Вячеславе Иванове — «Звнящий кимвал. (Стихотворство Вячеслава Иванова)». ¹⁹¹ «Звнящий кимвал» — это уже не обзор и не рецензия на какой-либо сборник писателя — это концептуальная, итоговая статья-портрет.

Эта статья появилась в тот период деятельности критика (1910—1914 годы), который будет оценен рецензентами спокойно и объективно: «Критика А. Измайлова — типичная критическая работа уравновешенного и спокойного представителя “золотой середины”. В потоке новаторских литературных исканий и увлечений Измайлов постарался укорениться на некоем среднем месте, компромиссной позиции между новым и старым». ¹⁹²

Главу о Вяч. Иванове Измайлов начинает все в тех же тонах, в каких были написаны статьи о сборниках поэта. Критик пишет о Вяч. Иванове как об «опоздавшем на целый век», отчего и происходит его очарование «старинными умершими словами». Он указывает на «косноязычие, вызывающее в памяти даже не Тредьяковского, а злополучного пииту Кюхельбекера» ¹⁹³ и т. д.

¹⁹⁰ *Измайлов А. А.* Новые книги // Русское слово. 1911. 18 июня. № 139. С. 2.

¹⁹¹ *Измайлов А. А.* Звнящий кимвал. — (Стихотворство Вячеслава Иванова) // Новое слово. 1911. № 8. С. 66—71.

¹⁹² *Ронин А. А.* [Рец. на кн.:] Измайлов А. Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья. М. 1913 // Новый журнал для всех. 1913. № 4. С. 178.

¹⁹³ См.: *Измайлов А. А.* Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья. М., 1913. С. 42.

Однако Измайлов обращает внимание на то, что «очарование стариной» так гипертрофировано у Иванова от его образованности. «В его эпитафиях, — пишет критик, — пестрят языки греческий, латинский, английский, немецкий, французский, итальянский, испанский. <...> Чувством и языка и ритма. В <...> книге “Cor ardens” (“Пылающее сердце”) несколько страниц отведены искусным стихам на немецком<...>. И, — как предел учености, <...> сейчас печатается его диссертация на латинском языке<...>”». ¹⁹⁴ Далее критик задается вопросом: «Словом, ученость впору епископу! Вот вопрос, — счастье это или несчастье для поэта».

Рассуждая о поэзии Вяч. Иванова Измайлов увидел в образованности истоки красоты поэзии автора. Размышления о красоте Измайлов дополнил, соображениями о звуковой и стилистической стороне лирики писателя. Немало страниц в статье отведено «именам древности» и «красивым созвучиям», аллегоричности поэтических образов, высокой стихотворной технике. «Совершенный чекан» Измайлов отмечает в гекзаметрах «Laeta», музыкальность стиха видит в «Саде роз», «наносящую» образность — в стихотворении Вяч. Иванова «Язвы гвоздиные».

И несмотря на то, что вторая половина статьи Измайлова полна положительных и высоких оценок поэзии Вяч. Иванова, критик все-таки видит в образованности поэта его трагедию. «Трагедия Иванова — есть истинная трагедия учености, истинное горе от ума, который съел все, — и живое воображение, и силу наивного творчества, и поэтическую образность, даже простую силу ясного и всем понятного слова». ¹⁹⁵

Статья «Звенящий кимвал» была последней крупной работой Измайлова, посвященной творчеству Вяч. Иванова. Отныне упоминания имени поэта будут встречаться в критических статьях Измайлова лишь вскользь. Одно из них, на наш взгляд, весьма значительное обнаруживаем в последней книге критика — «Лесков и его время». В этом историко-литературном труде о Лескове литератор, в частности, прослеживал преем-

¹⁹⁴ Там же. С. 41–42.

¹⁹⁵ Там же. С. 54.

ственность автора «Соборян» с творчеством таких писателей-модернистов, как А. Ремизов, Вяч. Иванов, М. Кузмин, о творчестве которых, критик нередко отзывался самым жестким образом: «В тона библейской красоты, в библейские образы, в библейский ритм переливается слово художника, не порвавшего с исконною русскою духовною литературой <...>. Здесь лежит совершенно незамеченная сторона творчества и заслуги Л<еско>ва, возвращающего заблудившееся русское слово к неисчерпаемым и нетленным истокам былого богатства и былой красоты <...>. Через сорок лет бродящие в пустыне наткнутся снова на эти истоки. Дивные старорусские “глаголы” бриллиантами загорятся в стихах Вячеслава Иванова, “Лимонаре” Ремизова, в стихах и ритмах Кузмина, в перезвонах Клюева. Единственной посредствующей вехой, за к<ото>рую можно закрепить в прошлом эту связь старого и нового, высится автор “На краю света” и “Запечатленного Ангела”». ¹⁹⁶

¹⁹⁶ Измайлов А. Лесков и его время. (Глава IX. За новой верой). С. 382.